

• Рембрандт ван Рейн •

и ты, а вас люблю!

И ТЫ, ГОМЕР!

фантасты о писателях

Волан

Дайте денег

Смук - cool

сам такой!

Кирилл Берендеев

И ты, Гомер!
Фантасты о писателях

«Издательские решения»

Берендеев К.

И ты, Гомер! Фантасты о писателях / К. Берендеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901672-0

Уверены, что знаете о писателях многое, если не все? Спешим разочаровать — известное вам не более, чем иллюзия. Авторы сборника решительно срывают покровы, обнажая истинную суть своего ремесла. В трех частях вам будет поведано, каково это быть писателем и что такое подлинная литература. Часть первая «Явь» приоткроет завесу, часть вторая «Сон» снимет замки, а часть третья «Бред» напрочь снесет крышу. Вы узнаете истину и не факт, что останетесь прежним. Но такова цена знания. Решайтесь!

ISBN 978-5-44-901672-0

© Берендеев К.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая: ЯВЬ	6
Александр Шорин, Дэн Шорин «Муза»	7
Камелия Санрин «Чернокнижник»	27
Татьяна Тихонова «Эра моего одиночества, или Эклеры»	42
Борис Богданов «Сергеев. Серегин»	46
Сергей Игнатьев «Девочка с ароматом полыни»	51
Рустам Карапетьян «Сказочная работа»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

И ты, Гомер!

Фантасты о писателях

Составитель Кирилл Берендеев

Дизайнер обложки Кирилл Берендеев

Корректор Светлана Тулина

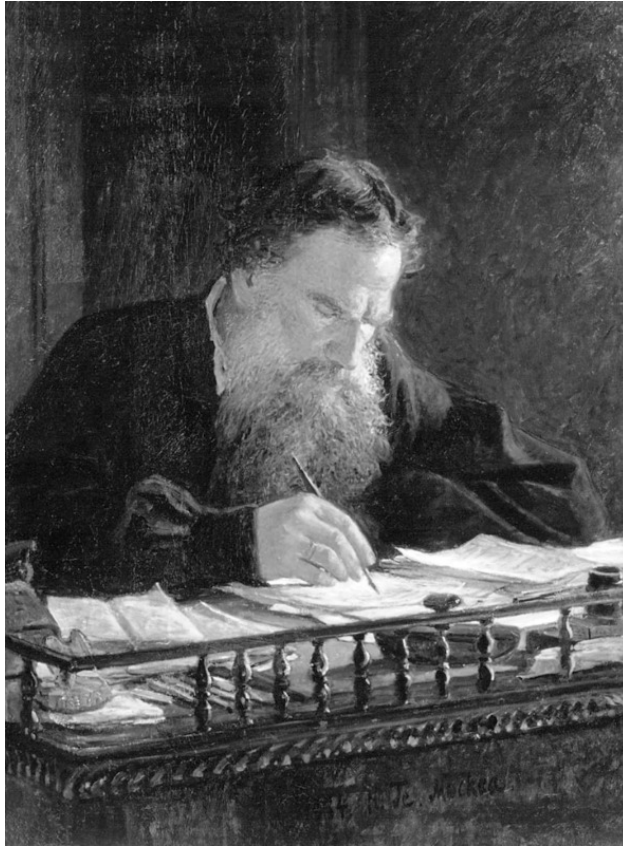
Корректор Павел Амнуэль

© Кирилл Берендеев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-1672-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая: ЯВЬ

Николай Ге «Портрет Льва Толстого»

Александр Шорин, Дэн Шорин «Муза»

– Ты чего смурной, Игорек? Через два часа – море!

Улыбка соскучившегося без общения водилы делала его похожим на хомячка, набившего щеки зерном.

– Ну и где оно, море? Пять тыщ километров ехал, чтоб увидеть, – спросил я.

Я втюхал ему байку, что никогда не видел моря, дабы настроить водилу на лирический лад. Лирик-хомяк. Прикольно, да? И он повелся: начал рассказывать о том, какое оно – море. Да так вкусно это у него получилось, что я поневоле заслушался:

– ...ворочается, как большое животное.

Мне понравилась метафора, и я поддержал:

– Животное, которое хочет сожрать Землю... – и тут же осекся, почувствовав неуместность своей буйной фантазии.

Но он ничего, нормально так отреагировал:

– Ага, хочет. И злится, штормит, когда не получается...

Пока водила болтал, мысли мои обратились к литературе. Для чего я взял с собой КПК-шку – маленький портативный комп? Ясен пень: чтобы в любых походных условиях не прекращать писать. Но писатель предполагает, а время – деньги. Как раз отсутствие последних и вынуждало меня последние десять дней ночевать в палатке, минуя города, еду готовить на костре и кормить собой комаров. Блин, девушкам путешествовать намного проще: и покормят, и напоят, и... Впрочем, это уже лишнее – у них свои проблемы. У меня, конечно, проблем тоже набралось за эти десять дней, хоть роман пиши. «Из жизни автостопщика»... А что, это идея!

Так, на фиг все идеи. Мне сейчас необходимо выйти из походного состояния. Обналичить кредитку. Снять комнату с видом на море. Помыться, постираться. Въевшийся в одежду запах костра раздражал меня в последние дни не меньше, чем комары. Путешествие грозило оказаться испорченным, даже толком не начавшись. И как первобытные люди умудрялись существовать под открытым небом? Во всяком случае, понятно, почему они, в итоге, создали цивилизацию.

И снова водила прервал мои размышления:

– Да ты не слушаешь совсем, паря! Вон, оно море-то. Глянь в окно!

Я посмотрел. Животное оно не напоминало – просто серо-голубая полоска, притаившаяся у горизонта. Но на душе стало веселее: я добрался, я все-таки добрался!

Говорят, все южные города чем-то похожи. Размеренное течение жизни, местные жители, свысока глядящие на туристов, громоздкие пансионаты, соседствующие с неказистыми домишками, которые того и гляди развалятся под напором ветра. И пляжи, пляжи, пляжи... Чтобы отыскать банкомат, пришлось протопать пару километров, и каждый новый квартал был как две капли воды похож на предыдущий. В какой-то миг мне даже показалось, что я брожу по кругу, но нет, море все время было по левую руку. Я устал. После лесной жизни город казался серым, однообразным и бесполезным: здесь негде разбить палатку и развести костер. За две недели я совсем отвык от цивилизации.

Прохожие бросали на меня косые взгляды. Взлохмаченный, небритый, пропахший костром и лесом, я ничуть не походил на среднестатистического туриста. Впрочем, баба Лиза, у которой мне порекомендовали остановиться, только скользнула оценивающим взглядом и коротко назвала сумму. Я нахмурился. По словам моих знакомых, в прошлом году стоимость комнаты у бабы Лизы была поменьше. Однако прежде чем начать торговаться, я решил посмотреть на жилье. И расцвел, забыв о деньгах!

– Вход отдельный, до пляжа – двести метров... – ворковала она, стараясь получить свои деньги.

А я просто млел. Между двухэтажным деревянным домом и сараюшкой, в которой мне было предложено жить, лежал широкий – метров тридцать – двор, наполненный терпким с кислинкой запахом моря. Во дворе раскинулся абрикосовый сад, крупные налитые солнцем плоды считались здесь обычным делом, как в средней полосе яблоки. От покосившегося столба к сараю шли провода – значит, здесь есть электричество. Чуть в стороне, у входа – летний душ с прислоненным к нему выгоревшим шезлонгом. Внутри сарая стояла широкая пружинная кровать, тумбочка и письменный стол, на котором предыдущие жильцы, скорее всего, просто обедали. Я собирался трапезничать в самом дешевом кафе, поэтому письменный стол будет мной использован по его прямому назначению. Как подставка для КПК. Я готов был расцеловать эту самую бабу Лизу, ведь здесь я буду творить!

– Спасибо, меня все устраивает, – только и сказал я, забыв даже поторговаться.

– Ужин принесу за отдельную плату, – сообщила мне хозяйка, когда я отдал деньги за неделю вперед.

Есть мне пока не хотелось. Оставшись один, я первым делом поставил комп на подзарядку и лишь потом пошел мыться и стираться. Въевшаяся в дороге грязь отстирывалась с трудом – я дважды прополоскал в холодной воде джинсы, выстирал футболку, и переоделся в состоящий из светлых шорт и броской клетчатой рубашки – «городской прикид». В нем я почувствовал себя человеком. Творчество ждало меня, я должен был доказать миру, что творец – он и на море творец. Но КПК еще не зарядился, поэтому я решил позволить себе небольшую поблажку: море, ребята, похоже на женщину, с ним нужно знакомиться в первую очередь, иначе взаимности ждать не стоит.

Путь к пляжу лежал через пансионаты. Жара еще не спала: вечер только вступал в свои права, и за заборами пансионатов еще вовсю веселились дети, а на шезлонгах под зонтиками нежили свои тела дородные дядьки и тетki. Цивилизация!

Я попытался взглянуть на себя со стороны: не чужой ли я на этом празднике жизни? Светловолосый веселый парень, правда, не слишком загорелый, но это упущение я собирался наверстать в ближайшие несколько дней. Казалось, я идеально вписывался в пеструю толпу курортников. Тут мой взгляд упал на грязные походные кроссовки, и я шмыгнул носом, сделав себе пометку «купить легкие тапочки». Лесные ночевки следовало срочно выбросить из головы, если я не хотел испортить себе весь отдых.

«Преобразовав» себя в полноправного члена отдыхающего сообщества, я неожиданно сделал парочку открытий. Во-первых, мне хотелось так же лениво и бездумно, как все эти люди, предаться купанию и отдыху, а во-вторых, я отметил количество красивых девушек вокруг. Оба открытия меня не слишком порадовали: и то и другое сулило препятствия творческому труду, поэтому было принято соломоново решение: море и девушки должны использоваться по назначению в разумных пределах. Какие пределы считать разумными следовало определить на месте, однако врожденное чувство меры не должно было меня подвести.

Следуя этому плану, я быстренько окунулся (море было теплым, и я подумал: «Если оно животное, то сегодня это животное доброе и сонное»), и растянулся на песке, высыхая и рассматривая других купающихся, преимущественно, конечно, девушек. А посмотреть было на что: и морковно-красные от переизбытка солнца северянки, и смуглые местные красотки со вздернутыми носиками, и даже две негритянки, которым вообще непонятно зачем загорать... Следуя привычке любую свободную минуту использовать для литературных трудов, я мысленно начал уже воображать личную жизнь ближайшей ко мне смуглянки (кудрявые черные волосы, веснушки, мини-бикини), когда вдруг мой взгляд, скользнув, упал на Девушку в белом, медленно идущую по песку. И тут же мой интерес к смуглянке пропал.

Привычку оценивать свои чувства со стороны я пестовал уже несколько лет. Каждый писатель должен понимать мотивы хотя бы своих поступков, иначе ему как писателю грош цена. Я сосредоточился и попытался выявить причину интереса к незнакомке. И – вот странно! – не смог: девушка как девушка. Белое прозрачное платишко, под которым виден такой же белый раздельный купальник, черные длинные волосы (действительно длинные, почти до поясницы), европейское лицо с капелькой азиатской крови, сказывающейся в разрезе глаз и высоких скулах. Походка медленная, словно не идет она по песку, а плывет... Вот оно! Походка! Именно она меня заинтересовала.

Между тем Девушка в белом остановилась от меня в нескольких метрах, легким, неуловимым движением избавилась от платья и «поплыла» в сторону моря. Кожа ее была светлой, чуть тронутой легким загаром, а купальник даже белее платья – просто белоснежный. Неожиданно вспомнилась какая-то старая примета: по тому, как девушка входит в воду, можно определить какая она любовница. Она вошла так, словно и не было границы песка и моря: без паузы, без малейшего раздумья. В этот момент я поймал себя на мысли, что КПК, по-видимому, уже зарядился, а домой совсем не хочется...

Пару минут я предавался внутренней борьбе, не забывая, впрочем, даже во время особо яростных аргументов и контраргументов поглядывать на голову девушки, мелькающую среди волн. Та часть моего «я», которая была за возвращение в сарайчик, ужин «от бабы Лизы» и упорный труд на ниве литературы, уже почти праздновала победу, когда незнакомка показалась из пены прибоя во всей своей красе. Желание писать сразу же куда-то испарилось, да и сам факт препирательств потерял всякий смысл: я уже твердо знал, что останусь, и обманывать самого себя было глупо. Вздыхнув с облегчением, я уже внутренне прикидывал, что ей скажу, с мнимой беззаботностью проходя мимо, когда мой взгляд упал на платье, оставленное незнакомкой на берегу... Я чуть не выругался вслух! Возле ее платья на раскладном шезлонге (такие здесь дают напрокат, причем дерут за них три шкуры, это я уже выяснил) расположился дядька за пятьдесят довольно мерзкого вида, как мне тогда показалось: редкие, с залысинами, волосики желтоватого цвета, кожа – в тон – тоже желтоватая, нездоровая. Массивный нос контрастировал с маленькими, глубоко посаженными глазами, улыбка, которой он встретил объект моего внимания, показалась мне лошадиной.

Жуть! Что этот старпер делает рядом с моей прекрасной незнакомкой? Охраняет, как дэв, ее невинность? Или наоборот – под пологом ночи срывает цветы любви с поляны, по которой следовало бы гулять лишь эльфам? Как бы то ни было, но человек с лошадиной улыбкой уступил девушке свой шезлонг и тут же, отлучившись на минутку, принес еще один, в который уселся сам, и начал что-то увлеченно рассказывать ей.

Настроение упало ниже плинтуса. Логично было бы, конечно, переключиться на первоначальный план и уйти ужинать к бабе Лизе, но простые решения – не для меня. Я не только остался, но даже купаться во второй раз не пошел – чтобы, не дай бог, не упустить из виду незнакомку. Между тем Лошадиная улыбка решил, видимо, портить мне настроение и дальше: он не отлипал ни на секунду от своей спутницы, силясь своим ржанием вызвать аналогичную ответную реакцию у моей незнакомки, но та совсем не улыбалась и отвечала, похоже, рассеянно и невпопад. Взгляд ее время от времени скользил по пляжу, и мне показалось, что раз или даже два остановился на моей скромной персоне.

Наконец, они поднялись. Шезлонги тут же заботливо забрали работники пляжа – бронзовые парни в узких плавках. Незнакомка что-то сказала им, они ответили, и тогда, наконец, она улыбнулась: белоснежно, в тон к купальнику. Не спеша, я тоже поднялся и, отряхивая с себя прилипший песок, стал смотреть, куда направляются «голубки». Те шли в кафешку. И конечно – в шикарную, с неоновым оформлением и швейцаром.

Я потратил еще пару-тройку минут на внутренние терзания, которые длились до парадного входа, а затем шагнул внутрь – словно прыгнул в омут...

В кафе было прохладно и пахло пряностями. «Голубки» расположились на летней веранде. Лошадиная улыбка делал официанту заказ, судя по жестикуляции, – довольно замысловатый, а Девушка в белом рассеянно тыкала пальчиком в свое меню. Когда я сел за соседний столик и посмотрел в такое же меню, то мне стало ясно: попроси я повторить их заказ, и можно уже завтра отправляться домой «на бобах»... Но не уходить же? Заказав чашечку эспрессо, я присовокупил к ней бутерброд, цена которого показалась мне более или менее приемлемой, и пачку «Парламента» – ну не позориться же здесь с мятым «Петром I»?!!! дождался, когда принесут заказ, и грустно закурил.

Между тем соседний столик довольно быстро оброс яствами, у меня аж слюнки потекли, пришлось отвернуться в сторону небольшой сцены, где музыканты настраивали инструменты, и успокоить урчавший желудок бутербродом, который оказался размером чуть больше пятака... Минута – и над площадкой потекла негромкая мелодия. Свет тут же притушили, танцпол окутала характерная для всех южных городов вечерняя полутьма. Световой день здесь короче, чем в средней полосе, и сумрак наползает неожиданно. В этой полутьме Девушка в белом, словно лебедь, поплыла к танцевальной площадке. Готов поспорить, все мужчины этого кафе перестали жевать и смотрели только на нее. Впрочем, не знаю – за всех не поручусь, но вот я точно перестал жевать. И курить тоже перестал. И даже, по-моему, дышать перестал...

Нет, она не была профессиональной танцовщицей. Строго говоря, она просто двигалась по танцплощадке без всяких там эффектных поворотов. Плыла. Она снова плыла!

Возможно, мне показалось, но во всем кафе воцарилась тишина: ни единого звука, кроме музыки. И лишь когда мелодия закончилась, словно прорвало плотину: где-то хлопнула пробка из-под шампанского, женщины и мужчины потянулись на танцплощадку, и новая мелодия, на этот раз – куда более живая, заразительная, закружила их в танце.казалось, что в этом водовороте моя незнакомка должна непременно ступешеваться, потерять свою медлительную прелесть, но этого не произошло: она по-прежнему плыла в своем темпе, и это, как ни странно, смотрелось так же хорошо, как и в первом танце...

Музыка заиграла медленнее, и ее подхватил за талию, закружив в танце, смуглый мужчина в светлом костюме. Она запорхала, как бабочка, словно и не было медлительности, подстроилась под партнера... Мельком я оглянулся на Лошадиную улыбку: улыбки-то у него как раз не было – флегматично и сосредоточенно он поглощал заказанные яства. Я отвернулся.

Хотелось ли мне потанцевать с ней? Конечно, хотелось! Но вот беда: откуда-то змеей выползло смущение – мне казалось, что в шортах я буду слишком контрастировать с приличной публикой в летних костюмах... Впрочем, зря я опасался: и пяти минут не прошло, как на танцплощадку выбрался толстяк в совершенно, на мой взгляд, неприличных шортах цвета хаки, и начал выписывать пьяные кренделя. И ничего – нормально. Я нервно сделал пару затяжек, притушил сигарету и пошел в круг танцующих.

Вблизи незнакомка показалась мне еще красивее, чем издали: глаза ее блестели и излучали свет. На этот свет я и полетел, как мотылек – и следующий танец был наш.

Осторожно, словно хрупкую статуэтку, я обнял ее за талию и аккуратно закружил, подстраиваясь под ритм. Как оказалось, подстраиваться было излишне – она подчинилась, повторяя все мои движения, будто отражение. Будто часть меня. И я, уже ни о чем не думая, отдался танцу целиком...

Может быть, я заснул? Может, потерял сознание? Не помню ничего, кроме легкого головокружения и танца, бесконечного, как сама жизнь. Нет, все-таки припоминаю, что кто-то пытался меня отлучить, даже оторвать от незнакомки – бесполезно: словно и впрямь стала она «плоть от плоти»... И только потом, когда она сама отстранилась и, поклонившись на прощанье, пошла к своему столику, я вдруг понял, что имел в виду Платон, описывая муки

разделенных надвое человеческих существ, потерявших свои половинки. Я больше не был целым без нее! Хотелось заплакать.

Я вернулся за свой столик. Закурил. С тоской посмотрел на то, как Лошадиная улыбка оплачивает счет...

И тут в мою безнадежность ворвался ее взгляд. Глаза в глаза. Длилось это целую вечность... А потом она вдруг улыбнулась и весело так, заговорщически, подмигнула мне. Я моргнул, и видение пропало – они пробирались между столиками к выходу.

– Счет! Официант, счет! – заорал я.

Не дождался, конечно. Оставил на столике заведомо большую купюру и рванул к выходу вслед за исчезнувшей парой.

Когда я выскочил из кафе, они уже почти растворились в темноте, пропитанной запахом моря – только вдаль мелькнуло светлое платье. Стояла ночь, по-южному влажная и жаркая, со стороны моря дул легкий ветер, трещали цикады. Я рассекал вязкий морской воздух, стараясь догнать девушку и ее пожилого спутника. О чем буду говорить с ними, я еще не знал, ноги несли меня сами, такое ощущение возникает, когда бросаешься вниз с обрыва и никак не можешь остановиться. «Мистика какая-то», – подумал я отвлеченно и тут же отбросил эту мысль – никакой мистикой и не пахло, просто Незнакомка в белом основательно вскружила мне голову. Я остановился, когда она вместе со своим спутником скрылась в дверях роскошного пансионата, на фасаде которого горделиво красовались четыре звездочки.

В задумчивости я присел на лавочку. Закурил. Не идти же к ним в номер! Самое логичное – отправиться домой и вернуться сюда утром или днем – сейчас они наверняка лягут спать... На мысли «лягут спать», я представил, как Лошадиная улыбка обнимает мою незнакомку и меня передернуло.

В общем, вопреки всякой логике, я остался на месте, нервно куря одну за другой сигареты, а проклятое воображение, натренированное литературными занятиями, продолжало выдавать эротические сцены, постепенно сменяющиеся картинками жесткого порно. Я решил не мучиться и уйти. Докурил очередную сигарету, поднялся... В этот момент дверь пансионата приоткрылась, и из нее выскользнула она.

Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого! Старая примета оказалась верна – как девушка входит в воду, такова она и в любви. Без секундной задержки, без малейшего колебания, незнакомка всплыла в мои объятия. И снова был танец, и снова я почувствовал себя единым существом: двуглавым, четырехруким и четырехногим. И только когда одежда сама по себе слетела с нашего единого тела, мелькнула мысль, что Лошадиная улыбка может нас застукать. Эта мыслишка не могла помешать нашему единению, но ее хватило, чтобы наше четырехное существо встало на две (мои) ноги, и переместилось в кусты. Наверное, кустарник должен был поцарапать наше тело. Но не поцарапал. Это был наш танец, наша ночь и все вокруг, даже кусты, были на нашей стороне.

Спустя вечность, вечность и еще раз вечность, когда я расслабленно курил, а она сидела у меня на коленях, обвив руками мою шею, я узнал ее имя – Ирина. Мысленно я сразу переименовал ее в «Инь».

Меньше всего в этот момент мне хотелось допытываться о мотивации ее поступка, но один важный вопрос я не мог не задать:

– Кто он тебе? – спросил я. – Отец? Любовник?

Она пожала плечами:

– А есть разница?

Разница была, конечно, принципиальная, но я не решился настаивать. У каждого свои тайны.

И тогда я начал рассказывать ей о себе. Сначала немного сбивчиво, потом увереннее. Рассказал, что я – начинающий писатель (нет, не так, я назвал себя «литератором» – это слово мне всегда нравилось больше), что здесь, на отдыхе, продолжаю творить и очень надеюсь, что напишу что-нибудь стоящее...

Ирина-Инъ слушала внимательно, но почему-то все время улыбалась, а, услышав о писательстве, вдруг звонко рассмеялась:

– То ли мне везет на литераторов, то ли они притягивают друг друга...

– Что? Твой... он тоже литератор?

– А ты не узнал? – в ее голосе прозвучало сомнение.

– Н-нет, – покачал я головой. – А что, был должен?

– Я думала, Куцего знают в лицо...

– Как-как? Куцего? Аркадий Борисович Куцего?!!

– Ну да!

Если бы она оказалась наследной принцессой княжества Монако, то и тогда я был бы поражен меньше. Тот, кого я весь вечер именовал Лошадиной улыбкой, не кто иной, как писатель с мировым именем Аркадий Куцего! Этого просто не могло случиться!

Я мотал головой, словно нокаутированный в первом же раунде Майком Тайсоном «Черный носорог» Клиффорд Этьен, пытаюсь разложить и собрать по кусочкам заново все мысли о Лошадиной улыбке. Как я мог не заметить, что у него лицо мыслителя? Как мог не признать с первого же взгляда того, чьи книги будоражили мое воображение не первый год? Того, кем я всегда так восхищался? Мне было стыдно. А вдруг... Вдруг она – его жена, а я...

Пока я путался в мыслях, как муха в паутине, Ирина уже оделась (только тут я заметил, что на этот раз платье на ней было не белым, а черным, как южная ночь) и смотрела на меня выжидающе, как бы говоря своим видом: «Провожай!»

Провожать было, слава богу, недалеко, и с этим квестом я справился успешно. Даже поцеловал ее на прощание, но мысли мои крутились только вокруг личности Аркадия Борисовича. Если бы я знал, что это он... Если бы хоть на секундочку мог себе вообразить...

Как-то «на автомате», продолжая все время думать о нем, я добрался до своей сараюшки и первым делом открыл на КПК «Ось второго порядка» – любимый, читанный-перечитанный роман Аркадия Куцего.

Как ни странно, перечитывать книгу не захотелось. Я переключился на текстовый редактор и начал писать рассказ об автостопе. Слова текли, словно вода. Вода, в которой плавает лебедь Ирина-Инъ...

Так я и заснул в обнимку с компьютером.

После бурной ночи я планировал спать минимум до обеда, но проснулся внезапно, словно кто-то постучал в ставни моего сна. А может, сработала привычка подниматься рано, засонь-автостопщиков трасса не любит. С трудом разлепив глаза, я выскочил во двор, направившись напрямиком в душ. После умывания организм настойчиво потребовал завтрака, у меня даже возникло искушение постучаться в окно к бабе Лизе, но я вовремя спохватился, в красках представив, какой была бы моя реакция, разбуди меня кто-нибудь в такую рань. Постиранная вчера одежда высохла, и я переоделся в чистое, перед тем как отправиться в сторону пляжа – искупаться и, заодно, позавтракать.

На этот раз море было слегка встревоженным животным: возмущенно брызгало на берег пеной и ворчало, но меня все же приняло любезно – покачало на волнах и взбодрило. Обсыхая под утренними лучами, я прикидывал, сколько можно потратить на еду, когда вдруг увидел прогуливающуюся вдоль линии прибоя фигуру, показавшуюся мне знакомой. Вид у Аркадия Куцего, а это оказался именно он, был задумчивый, даже рассеянный, но при этом траектория его движения была удивительно верной: волны несли пену к самым его

ногам, но теряли свою приливную мощь и откатывались, не доставая буквально нескольких сантиметров до ботинок – обувь оставалась сухой и безукоризненно чистой. И эта мелочь показалась мне чрезвычайно важной. «Передо мной человек, который выше обыденности, даже грязь к нему не липнет», – подумал я.

И в тот же момент, словно желая меня опровергнуть, какая-то особенно мощная волна покатила к ногам литератора и разбилась о его ботинки. Впрочем, он этого даже и не заметил. Но я уже принял решение и, схватив одежду, уверенной походкой двинулся навстречу Аркадию Куцего.

Внутренне я приготовился к самому худшему: Куцего узнает во мне вчерашнего танцора, мысленно свяжет мою особу с ночным исчезновением Ирины, бросит мне в лицо обвинение или задаст каверзный вопрос. Отпираться, обманывать я, конечно же, сочту ниже своего достоинства и во всем признаюсь. Пусть на этом наше общение раз и навсегда закончится, зато все будет честно – это самое малое из того, что я могу сделать для своего кумира. А может, и не нужно никаких вопросов с его стороны – рассказать вот так, сразу, все начистоту – и все?

С этими мыслями я встал на пути писателя (волны зашипели у ног, словно потревоженный клубок змей) и сказал:

– Здравствуйте, Аркадий Борисович!

Не заметить меня было невозможно, и он вынужден был остановиться.

– Здравствуйте, – ответил он неуверенно, видимо, силясь вспомнить, где мог меня видеть.

Его мысли витали далеко, и мне снова стало стыдно: Аркадий Борисович, возможно, специально уединился, чтобы продумать замысел очередного гениального произведения, а я, итак со всех сторон виноватый перед ним, бесцеремонно возвращаю его к действительности.

– Извините, – начал я, – я в каком-то смысле ваш коллега... Начинаящий автор... Узнал вас и решился подойти, чтобы... Чтобы выразить свое восхищение вашим талантом...

Я совсем смешался, чувствуя, что начинаю нести чушь, и умолк, так ничего толком и не сказав. Однако Куцего, видимо не единожды сталкивавшийся с поклонниками, взглянул хоть и с тоской во взоре, но все-таки снисходительно:

– Все мы когда-то были начинающими авторами...

Непонятно было, кого Куцего имеет в виду, говоря про «всех» – мы были вдвоем. Между тем мой кумир продолжал:

– ...а кое-кто так и остался в статусе «начинающего».

Казалось, он раздумывает, будет ли удобно после этой фразы поклониться и пойти дальше, но этому мешала то ли вежливость, то ли что-то другое. Я растолковал это как: «Что мне делать с этим внезапно появившимся поклонником?» Никакого «вчерашнего танцора» во мне, он, конечно же, не признал.

И тут литератора, судя по всему, осенила какая-то идея: посветлев лицом, словно решив сложную задачку, он вдруг проговорил совсем другим, приглашающим тоном:

– Я сейчас как раз собирался завтракать. Не хотите ли, молодой человек, составить мне компанию? Как, кстати, вас зовут?

– И-игорь, – ответил я с заминкой, огорошенный столь неожиданным приглашением, не в силах поверить в свое счастье: завтрак с самим Куцего – это же событие, которое запомнится на всю жизнь! – Куда идти?

– Может быть, сначала, Игорь, хотя бы шорты наденете? – сказал он с легкой усмешкой.

Только тут я заметил, что стою перед ним в мокрых плавках, со скомканной одеждой в руках, и невольно засмеялся.

Кафе на этот раз было недорогим, а завтрак – вкусным. Я уплетал за обе щеки, чем, по-моему, вызвал невольное восхищение писателя.

Подождав, пока я доберусь до кофе, он вежливо спросил:

– И что вы пишете, Игорь?

– Фантастику, – пытаюсь справиться с волнением, ответил я. – И реалистическую прозу.

О людях.

– Это хорошо, что о людях, – в глазах Куцего мелькнула задорная искорка. – А стоят они того – люди?

– Стоят, – ответил я. – Литература должна писать о людях, иначе творчество бессмысленно! Вы не согласны?

– Почему же, согласен, – Куцего прищурился. – Только важно понимать, о каких людях нужно писать и как строить текст.

– И как его строить? – наострил уши я.

– Объяснить на пальцах?

– Если можно, да, – выдохнул я с тайной надеждой.

– Сожалею, молодой человек, но на пальцах ничего не получится, чудес не бывает.

Мне необходимо видеть ваши тексты, чтобы дать более-менее объективные рекомендации.

Вот так рушатся самые радужные надежды. По-видимому, от Куцего не укрылся мой разочарованный вздох, и он сдался:

– Хорошо, приносите тексты, я смогу завтра уделить вам часок.

– Правда?! – я и мечтать не мог о такой удаче.

Куцего немного помолчал, и сказал:

– У меня к вам, Игорь, тоже будет просьба, причем неожиданная.

– Конечно! Чем могу быть полезен? – от волнения я перешел на какой-то высокопарный стиль. Наверное, мне казалось, что именно так следует вести беседу двум литераторам.

– Дело в том, – продолжал Аркадий Борисович, – что я отдыхаю не один. Со мной э... спутница. Это молодая девушка, ей хочется по вечерам хорошо проводить время: танцевать, развлекаться... А я, в силу некоторых объективных причин, не всегда могу составить ей компанию. Отпускать ее одну – тоже, как вы понимаете, боязно. Поэтому, если бы вы согласились иногда сопровождать ее...

Я обомлел. Во время нашей увлекательной беседы я, честно признаться, совсем забыл об Ирине. А вот теперь Мастер предлагает мне – ее вчерашнему любовнику! – сопровождать ее! Возможно ли такое?!

Писатель увидел сомнения на моем лице, но истолковал их по-своему:

– А! Как же я мог забыть? Вас, конечно же, заботит материальная сторона вопроса: развлечения здесь стоят денег, и немалых. Не беспокойтесь: я все оплачу. Мало того, я готов доплачивать за потраченное вами время...

– Нет!

– Отказываетесь от моего предложения? – удивился писатель.

– Да! То есть нет... Я хотел сказать, что платить за потраченное время – это уже слишком, – нашел я, наконец, что сказать.

– А, вы об этом... Пусть так, но счета, в том числе ваши, я просто обязан оплатить. Очень рад, что вы согласились.

Боже, как мне было стыдно, просто готов был сквозь землю провалиться! Куцего же напротив – пришел в отличное расположение духа.

Улыбаясь, он поднялся из-за столика:

– Вот и чудно! Вас не затруднит придти сегодня вечером в кафе «Элефант». Скажем, в 8 часов?

– Конечно, я приду, – сказал я таким тоном, словно назначили место и время моей казни.

И ушел в свой сарай, думая, что не решусь придти.

Конечно, пришел. Причем надел лучшее, что отыскалось в рюкзаке, даже выпросил у бабы Лизы утюг и тщательно выгладил рубашку, постирал и высушил походные кроссовки. Сказать, что я волновался, – почти ничего не сказать. Мне казалось, что наши отношения с Ириной, уже замечены проницательным Куцего, для которого людские души как раскрытая книга. Я вновь и вновь мысленно сравнивал себя с Иудой, впрочем, начиная входить в положение последнего.

«Элефантом» называлась та самая кафешка, где мы вчера танцевали с Ириной. Я топтался перед ней, как грешник перед входом в преисподнюю: и знал, ведь, что зайду, и никак не мог решиться. Впрочем, может, и ушел бы восвояси, но сзади кто-то положил мне на плечо руку. Вздвигнув, я обернулся. Это был Аркадий Борисович, который спросил, улыбаясь:

– А вот и Игорь. Уже дожидается, оказывается, мы с тобой задержались. Знакомьтесь. Ирина, это Игорь, Игорь, это Ирина.

Я уставился на нее, лихорадочно пытаюсь выбрать нужный тон. Она вновь была в белом. На этот раз платье было коротким, и заканчивалось вышивкой – точь-в-точь как у бабы Лизы на занавесках. От такого сравнения я нервно усмехнулся.

– Рада познакомиться, – сказала девушка с нейтральной улыбкой, будто и впрямь видела меня сегодня впервые. По идее, меня это должно было успокоить, но почему-то разозлило, и злость помогла мне взять себя в руки. «Буду общаться исключительно с Куцего, – решил я про себя. – Пусть играет роль декорации в этой сцене!»

Между тем мы прошли в кафе и сели за тот самый столик, где они провели вчерашний вечер. Официант принес меню, и начал вежливо расспрашивать у Куцего, будет ли сегодня он заказывать креветки.

Тот отмахнулся:

– Креветки и всякие там прочие суши – это для моей спутницы, а мне, пожалуйста, свежий шашлык, да поострее...

Пока они возились с меню, я сидел, помалкивая: не я заказываю музыку, не мне под нее и танцевать. Но официант вдруг выдал фортель, совершенно для меня неожиданный:

– А, молодой человек, который оставляет щедрые чаевые! Что будете заказывать сегодня?

Мать растак этого придурка! Покраснев, я попросил кофе и какой-то суп. Мне показалось, что Куцего посмотрел на меня с удивлением и даже хотел что-то спросить, но удержался. Настроение испортилось окончательно. По-моему, Аркадий Борисович это заметил, и счел своим долгом начать рассказывать Ирине о том, что я – его коллега, начинающий литератор. Он так и сказал – «литератор», на что Ирина прыснула, не удержавшись. По-моему, я покраснел.

Между тем Куцего продолжал:

– Литература, мой юный друг, не терпит легкомыслия, это серьезный труд, работа в поте лица от рассвета и до заката. Ну, или от заката и до рассвета, как кому удобнее. Выжимать из себя слова может любой графоман, едва научившись читать, а вот чтобы создать насыщенный образ надо быть не просто художником, но еще и трудоголиком, потому что образ этот будет от вас ускользать, как загнанный зверек. Вы будете раз за разом хватать пустоту, и только в тот миг, когда научитесь отличать пустую породу от рудоносной жилы, у вас появится шанс. Но между этим шансом и реализовавшим себя писателем – огромная пропасть. Вы будете рвать жилы, засыпать в обнимку с клавиатурой, чтобы поутру удалить написанное. Впрочем, о чем это я, предмет разговора знаком вам не понаслышке.

Я быстро кивнул, соглашаясь с маститым писателем.

– А еще литература никогда не принесет вам денег. Если вы мечтаете разбогатеть, советую прямо сейчас бросить это неблагодарное занятие и уйти в бизнес. Или в бандиты.

Куцего пристально разглядывал меня, словно размышляя, какая из этих стезей меня привлечет. Я поднял глаза на писателя и спросил:

– Но Аркадий Борисович, а как же вы?!

Моя растерянность не ускользнула от Куцего, и в ответ на этот, казалось бы, простой вопрос, он осунулся и тихим голосом, будто размышляя, сказал:

– Хотя, возможно, молодой человек, вы когда-нибудь найдете свою музу. Но лучше бы вам стать бандитом, честное слово.

Между тем вновь, как и вчера, заиграла музыка. Площадка понемногу начала заполняться танцующими.

«А фиг вам, – сказал я себе. – Сегодня вообще танцевать не буду!»

Словно разгадав мои мысли, Ирина, которой наш разговор, по-моему, уже порядком наскучил, сказала немного манерно:

– А не соблаговолит ли молодой человек пригласить девушку на танец?

Пришлось подняться. А что мне оставалось?

И в этот момент Аркадий Борисович сделал нечто вовсе неожиданное – он тоже поднялся, положил на столик несколько крупных купюр, сказал:

– Я, пожалуй, вернусь в пансионат, развлекайтесь без меня. Игорь, вы, надеюсь, проводите Ирину домой? Мы с вами увидимся завтра, как и договаривались.

Хотелось запротестовать, но маленькая ладошка Ирины уже крепко ухватила меня за запястье и потащила в круг танцующих. С Куцего она даже не попрощалась!

На этот раз никакого слияния с Ириной в единое тело я не чувствовал. Она, конечно, это заметила и шепнула с легким раздражением:

– Ты будто штык проглотил, что с тобой такое?

Я бы ответил, но в это время музыка стала громче, и разговаривать стало невозможно. Пожав плечами, я попытался расслабиться, но у меня не получилось. И вдруг я почувствовал поцелуй на своих губах. Это было так неожиданно, так остро, что где-то внутри меня образовалась пустота – пропасть, в которую я вдруг упал с головокружительной скоростью. Мне стало плевать и на Куцего, и на наши с ним литературные разговоры. Вообще плевать на все и на всех, а особенно – на гребаного официанта, который сейчас наверняка ехидно улыбается...

Впрочем, когда мы расплачивались, его улыбка была сама любезность. Подонок вновь получил крупные чаевые.

Выйдя из кафе, мы тут же попали в объятия ночи, и на этот раз они были холодными. Ноги у меня слегка заплетались, в голове шумело, ощущение – как будто хорошо выпил, хотя на деле – всего лишь бокал вина. Ирина взяла меня под руку и спросила:

– Мой кавалер пригласит меня на чашку кофе к себе, или сразу сдаст на руки дракону в замке?

Меня немного злила ее манера общения, но сейчас это уже не имело никакого значения – и получаса не прошло, как мы кувыркались на моей постели, принимая замысловатые позы. Любовницей она была прекрасной. Но именно любовницей, а не любимой: незримая тень Куцего лежала между нами, не давая слиться в единое целое.

Провожая ее в пансионат, я хранил молчание. И лишь когда стали прощаться, взял крепко за плечи и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

– Кто он тебе? Отвечай!

– Любовник, – ответила она, будто в лицо плюнула.

Вернувшись домой, я долго вышагивал из угла в угол своей сараюшки – никак не мог успокоиться. А потом открыл КПК, и вновь начал писать – да так яростно, словно хотел вывернуть себя наизнанку. Слова ложились гроздьями – насыщенными, яркими, объемными, обличающими. Под утро я вдруг понял, что рассказ не об автостопе, а о любви и ответ-

ственности, о выборе и его последствиях. Там была девушка и дорога... И еще что-то, что нельзя передать в двух словах, что читатель может только пережить вместе с автором. Девушка в рассказе совсем не походила на Ирину, поэтому я мог смело показать утром текст Аркадию Борисовичу.

С Куцего мы, как и договаривались, встретились в кафешке. Когда я пожимал ему руку, то вновь почувствовал себя Иудой, целующим Иисуса. Честно – мне очень хотелось рассказать ему об отношениях с Ириной, и я даже начал:

– Вчера, когда вы ушли...

Но он мягко перебил:

– Всеу свое время, Игорь. Сейчас будет лучше, если мы посмотрим наконец, что вы пишете.

Уговаривать меня, не пришлось: дописанный ночью рассказ был, на мой взгляд, лучшим, что я создал в этой жизни, и мне хотелось, чтобы Мастер прочитал его. Рано утром я отыскал на берегу моря интернет-кафе (есть же чудики, которые в такую чудесную погоду сидят в Сети) и распечатал рассказ в двух экземплярах. Куцего открыл текст, пробежал глазами первую страницу и задумчиво уставился куда-то в потолок. Потом отложил текст в сторону.

– Молодой человек, как вы считаете, что нужно для того, чтобы написать хороший рассказ?

– Умение писать и жизненный опыт? – предположил я.

Основанием для моего предположения был громадный объем прочитанной учебной литературы. Каждый второй писатель только и твердил о том, что слагаемые успеха – опыт и мастерство, мастерство и опыт. Куцего же только поморщился.

– Все это, конечно, важно, но не слишком. Михаил Юрьевич Лермонтов весьма в юном возрасте написал вещи, которые до сих пор считаются классикой русской литературы. При этом ни жизненного опыта у него не было, ни литературного мастерства. В то время в Российской империи вообще писательской школы как таковой не существовало, был один Пушкин, блиставший в салонах и творивший такое с языком, от чего современники приходили то ли в ужас, то ли в экстаз. И вот однажды в питерском салоне Хитрово-Фикельмон их пути пересеклись – великого писателя Александра Сергеевича Пушкина и молодого корнета лейб-гвардии гусарского полка Миши Лермонтова...

– Они никогда не встречались! – перебил я.

– Полагаю, встречались, просто Лермонтов постарался забыть об этой встрече, а Пушкину рассказать о ней помешал Дантес. Впрочем, неважно, речь не об этом. Чтобы написать хороший рассказ, не нужен ни опыт, ни мастерство. Нужна единственная вещь. Фантазия.

– Фантазия есть у многих, – вздохнул я.

– Не скажите! Управлять своими фантазиями может не каждый. Это адская работа, молодой человек. Вот пример, – Куцего щелкнул пальцами. – Когда я еще жил с первой женой, старший сынишка любил забегать ко мне в кабинет во время творческого процесса. Однажды он наблюдал, как я на протяжении получаса сидел на одном месте, прогоняя перед глазами структуру будущего текста, я тогда писал «Ось второго порядка», а потом тихо спросил: «Папка, ты что делаешь?» – «Работаю», – ответил я. «Ты не работаешь, ты в стену смотришь», – тут же заявил ребенок. Так вот, умение «смотреть в стену» – самое важное в нашей профессии. А если к этому добавить еще катализатор!

– Катализатор? – переспросил я. – Вдохновение что ли?

– Не совсем, – мне показалось, что Куцего смутился. – Поймите, стучать по клавиатуре – не главное. Главное вот тут, – писатель поднес палец ко лбу. – Шекспир вообще не писал пьесы, он просто придумал сюжет и рассказал актерам как его сыграть. И о «Глобусе» узнала вся Европа. Придумайте новую историю, и даже если она будет написана язы-

ком третьеклассника, у нее есть будущее. Понадейтесь только на профессионализм, и вы всю жизнь будете писать одну публицистику. Без фантазии литература мертва. Любая, не только фантастика. Просто научитесь верить в свой вымысел, и читатель будет ваш.

– Так просто? – я не мог понять, обнадежил меня Куцего или разочаровал.

– В нашем ремесле нет ничего сложного, – ответил Аркадий Борисович, подзывая официанта со счетом. – Жизнь порой бывает фантастичнее любого романа.

– Это точно, – согласился я, вспоминая наши отношения с Ириной.

Расставаясь, он крепко пожал мне руку:

– До вечера, Игорь. Надеюсь, вы составите снова нам компанию в кафе?

Ну разве мог я ему отказать? Про себя я решил: никогда больше я не буду наставлять рога этому великому человеку, как бы того ни хотелось Ирине!

В «Элефанте» сегодня было многолюдно, как никогда, – я так понял, что праздновался чей-то день рождения, и нам достался лишь столик в углу. Именинник – смуглый, с массивной золотой цепью на шее, улыбался белоснежными зубами, и эта улыбка мне не понравилась – так мог бы улыбаться волк, перед тем, как вонзить клыки. Куцего, как всегда, сделал большой заказ. Официант – тот самый, что видел, как мы целуемся с Ириной – юлил перед ним всем телом: отрабатывал очередные чаевые. Аркадий Борисович на этот раз был молчалив, Ирина – тоже: мне показалось, что у них произошла размолвка. Я чувствовал себя не в своей тарелке.

И только после смены блюд Куцего заговорил.

– Как вы считаете, молодой человек, какая тема достойна настоящего писателя?

– Тема?

– О чем стоит писать, чтобы ваш текст вошел в историю?

– О жизни? – предположил я.

– Жизнь – прекраснейшая из выдумок природы, – произнес Куцего, задумчиво глядя на Ирину. – Это Гете. Читали?

Я торопливо кивнул.

– Жизнь стоит того, чтобы жить, а писать надо о чем-нибудь другом. Более ярком, насыщенном, искреннем.

– Например, о любви? – спросила Ирина.

– Например, о женщинах, – ответил ей Куцего, глядя почему-то на меня. – Только женщины способны скрасить нашу жизнь, заставить ее заиграть всеми красками. И совершенно не важно: есть любовь или ее нет. Когда женщина рядом, каждый день становится праздником. Когда она уходит, самое время думать о смерти.

– Но почему... – попытался перебить мастера я, но он не дал мне этого сделать.

– У Овидия была Фабия. У Данте – Беатриче. Рядом с Петrarкой оказалась Лаура. Пятнадцать лет рука об руку с Вольтером стояла Эмилия дю Шатле. Бальзак, напротив, те же пятнадцать лет ждал смерти князя Ганского, чтобы жениться на его вдове. Вальтер Скотт в молодости встретился с Маргаритой Стюарт: выйдя однажды из церкви, он увидел девушку, которая шла под дождем без зонта. Он предложил ей зонт и дружбу. Девушка, однако, спустя шесть лет предпочла некоего бизнесмена Форбса, тем не менее на всю жизнь оставив шрам в душе писателя. А жена ростовщика Франческо Джоконды Мона-Лиза, у которой был роман с Леонардо?..

Голос у Куцего был спокоен, но его пальцы жили собственной жизнью, выбивая на столе дробь. Ирина накрыла его широкую руку своей миниатюрной ладошкой:

– Успокойся, мы об этом уже говорили.

Аркадий Борисович потер лоб и продолжил:

– Пишите о женщинах, Игорь, не прогадаете. В каждой из них заключен целый мир, шаг за шагом раскрывая его, вы удержите читателя на коротком поводке до самой развязки.

– А в конце будет хэппи-энд, – продолжил мысль писателя я. – И книга станет бестселлером.

– Вы же хотели писать про жизнь, – улыбнулась Ирина. – В жизни хэппи-эндов не бывает. Истории про любовь обычно заканчиваются свадьбой, а в жизни со свадьбы все только начинается.

– Это банально, – поморщился я.

– В том и состоит призвание литературы – небанально рассказывать о банальных вещах, – вздохнул Куцего. – Каждый писатель идет по канату над пропастью. Шаг вправо – и он начнет скатываться к штампам. Шаг влево – и ему не поверят. Тут поможет только ваше литературное чутье, Игорь. Чувствуете, что пишете штамп – постарайтесь вывернуть его наизнанку. Тащит ваш герой даме сердца букет алых роз – остановите его росчерком пера. Поменяйте алый цвет на белый, розы на хризантемы, букет на охапку. Пусть он войдет не в дверь, а через окно, вам даже не придется придумывать мотивацию, романтика покроет любое безумие.

– Романтика – это отсутствие банальностей? – задумался я. – Или, наоборот, их наличие.

– Игорь, я только что говорил, что в каждой из женщин находится целый мир. Так вот романтика – это попытка доказать, что внутри кавалера заключено нечто, что больше этого мира. Как правило, с возрастом это заблуждение проходит.

Потом он поднялся – даже раньше, чем вчера, вежливо попрощался, и мы с Ириной вновь остались одни.

– Идем танцевать, кавалер? – спросила она меня с улыбкой. Начинал повторяться вчерашний сценарий.

Я нехотя поднялся, танцевать не хотелось.

Было ощущение, что я марионетка в чужом спектакле. Черт подери! Если я не хочу танцевать, то зачем себя заставлять? Я решительно сел обратно за столик, нервно закурил.

Ирина обернулась удивленно. Спросила:

– Ты не хочешь сегодня танцевать?

– Надоело плясать под твою дудку, – буркнул я в ответ.

Думал – обидится, но она звонко рассмеялась, подошла ко мне и вновь, как вчера, я почувствовал на своих губах поцелуй.

Несомненно, она обладала надо мной какой-то неведомой властью – немедленно закружилась голова, и захотелось наплевать на принципы, закружиться в вихре страсти. Неимоверным усилием воли стряхнув это наваждение, я оторвался от нее и сказал:

– Потанцуй без меня.

Казалось, мое поведение ее позабавило. словно устанавливая правила игры, она спросила:

– С кем ты хочешь, чтобы я танцевала сегодня. С ним? – она указала на мужчину лет сорока за соседним столиком – тот как раз с интересом наблюдал за нами.

– Или, может, с ним? – она повернулась в другую сторону и указала на именинника с волчьими зубами.

Я невольно вздрогнул, но ответил решительно:

– Повторяю: не хочу больше плясать под твою дудку, будто дрессированный медведь. Не хочу, чтобы ты тайком изменяла со мной Аркадию Борисовичу. Не хочу наставлять рога прекрасному человеку, развлекаться с тобой на его же деньги. Я чувствую себя подонком...

– Вчера тебя это не остановило, – выражение ее лица стало странным – то ли разрыдается сейчас, то ли молча повернется и уйдет. Мне вдруг стало жаль ее. Подумал: она совсем не такая плохая, как я себе вообразил, просто я не знаю мотивов ее поступков.

И вдруг я понял, что люблю ее. Такой, какая есть – развратной, загадочной, закрытой на все замки и при этом свободно допускающей меня к своему телу. Не важно все это, ничто больше не важно...

Я начал вновь подниматься, чтобы сказать ей об этом, но она вдруг резко повернулась и пошла в сторону празднующих. Минут удивленные взгляды, подошла прямо к имениннику и, взяв его за руку, повела к танцплощадке. Его мимолетный взгляд, брошенный в мою сторону, был торжествующим, а улыбка особенно мерзкой и страшной. Волк все-таки добрался своими клыками до моего горла. Я сел обратно за свой столик в полном отчаянии и заказал коньяк.

Я смешал кофе и коньяк в пропорции один к одному и сидел, поглощая эту смесь. Именинник танцевал с Ириной один танец за другим, а потом она села за его столик. Официант, судя по всему, внимательно следивший за развитием этой драмы, уже неприкрыто ухмылялся, шепча что-то на ухо своему коллеге. Я выпил еще, и мне вдруг захотелось швырнуть официанту тарелку прямо в лицо, затем подойти к имениннику и ударить прямо по зубам, чтобы с этой рожи сползла хамская уверенность. Вообще, хорошо было бы разнести нахрен это кафе так, чтобы все говорили потом: сюда зашел настоящий элевант, и ему не понравилось обслуживание. Моя фантазия разыгралась не на шутку.

Я действительно поднялся, но на деле все произошло совсем иначе, чем в воображении: официанта я не тронул, а на волкозубого даже не взглянул – снова страшно стало. Единственное, на что достало сил, – подойти к Ирине и шепнуть ей на ухо:

– Вернись, пожалуйста, за мой столик.

В общем, я показал себя вшивым интеллигентом. Впрочем, этого оказалось достаточно: Ирина поднялась, чтобы идти со мной.

Однако волкозубого я недооценил. Скалясь своей фирменной улыбкой, он усадил Ирину обратно, а мне сказал:

– Девушка пришла сюда сама, братан.

– Да пошел ты! – моя интеллигентность тут же испарилась.

И эти мои слова были ошибкой: как-то очень ловко он оказался рядом со мной и, продолжая улыбаться, поволок к выходу, обхватив одной рукой за плечи. Со стороны, наверное, могло показаться, что давние приятели решили подышать свежим воздухом. Но вот стоило нам оказаться за дверями кафе, как «приятель» ударил меня локтем в грудь – так, что ребра хрустнули. Я лишь только охнуть успел, как следующий удар – на этот раз в лицо – опрокинул меня на землю, которая оказалась очень твердой. По-моему, он хотел ударить еще ногой (инстинктивно я свернулся, прикрывая живот), когда раздался женский визг. С удивлением я узнал голос Ирины.

– Оставь его в покое, козел! – кажется, она рыдала при этом.

Она помогла мне подняться. Из кафе выскочил официант. Подал намоченную холодной водой салфетку. Может быть, мне почудилось, но в его глазах было сочувствие. Потом Ирина проводила меня до дому. Я шел медленно, морщась от боли. Разговаривать не хотелось.

Секса на этот раз между нами не было, но заснул я в ее объятиях. А когда проснулся – стояло уже утро, и в постели я был один.

Чувствовал я себя отвратительно – стоило пошевелиться, как грудь отзывалась болью. Но это, конечно, еще не было поводом к отмене нашей очередной утренней встречи с Куцего: слишком уж она была важна для меня. А еще волновало: как Ирина добралась домой?

Аркадий Борисович выглядел сегодня неважно. Неужели не спал всю ночь, дожидаясь Ирину?

Синяка он у меня будто бы и не заметил, сразу начал обсуждать мой рассказ.

– Насколько я понял, идея текста – показать бесхребетность героя, типичного нашего современника, стоппера. Возможно даже, вы задавались целью поднять тему «потерянного

поколения», с позиции автора-демиурга загнать свой персонаж в моральный тупик, чтобы потом выставить его в отрицательном свете. Стоит отметить, у вас ничего не получилось. Вы, наверное, считаете, что, отказавшись от оценки конкретных действий героя, вы открыли что-то новое в литературе? Еще Солженицын использовал эту методику, и надо сказать грамотно использовал. В его текстах есть один отрицательный герой – Система, и принципиальное «неоценивание людей» дает ему возможность вынести приговор Системе. На Солженицына, в отличие от вас, работает сама ситуация. Ваш герой катится по наклонной плоскости – это да. Вот только вы не зафиксировали точку, где началось его падение, эта точка вынесена за рамки рассказа. Этот стоппер, по сути, не совершил ни одного поступка – ни хорошего, ни плохого, поэтому читатель даже в самом конце рассказа не знает, как к нему относиться. Помните Наутилус: «...ведь все, что нес, ты не донес, значит, ты ничего не принес»? Не только ваш герой ничего не принес в рассказ, но и вы сами ничего не донесли до читателя. И потом эта девушка, которая спасла герою жизнь. Вот она дает свою оценку – жесткую и не совсем понятную. Задайте себе один вопрос: как должен был поступить герой, чтобы избежать сложившейся ситуации, а потом постарайтесь дать на него четкий и единственный ответ. В тексте этого ответа нет, читатель его не видит. Композиция нарушена, открытый финал работает против вас, автору текста остается только посочувствовать. Знаете, еще в вашем рассказе прослеживается некоторое сходство с «Героем нашего времени» Лермонтова. Вас определенно вдохновил характер Печорина, с той лишь разницей, что тот-то находится в обществе, он всего лишь рама, в которой читатель видит нравы своего века. А у вас общества нет даже за кадром, все действие происходит на большой дороге, в вакууме. Что вы хотите сказать читателю этим рассказом? Кого показать?

Чем больше он говорил, тем больше снова напоминал Лошадиную Улыбку – того типа, которого я возненавидел с первого взгляда. И только в конце смягчился, вдруг стал прежним Аркадием Куцего, которого я успел уже полюбить за эти дни. Чувство подавленности, однако, осталось – я чувствовал себя никчемным подмастерьем, недостойным такого учителя.

Вернувшись домой, я засел за КПК и попробовал писать, следуя советам Мастера, но у меня ничего не выходило – мысли путались, грудь мучительно болела. А еще больше меня тяготило, что вечером вновь нужно идти в это проклятое кафе, где меня вчера избили. Впрочем, выбора у меня, как всегда, не было...

В кафе меня ждала неожиданность: Ирина сидела за столиком одна.

– А где Аркадий Борисович? – спросил я растерянно.

– Он... – начала она, но в это время подошел наш неизменный официант.

Вид этого малого так поразил меня, что я на секунду даже позабыл о Куцего: на его лице красовался синяк не меньше моего, но вид при этом был сияющий, он даже подмигнул мне.

– Вчера пришлось силой успокаивать одного буяна, – сказал он заговорщически. – Больше он вас не побеспокоит.

Ну надо же! Этот парень, оказывается, готов отрабатывать свои чаевые...

И тут зашел Куцего. Выглядел он еще хуже, чем утром. Был задумчив и ничего не ел, хотя заказал, как всегда, много. За столиком повисло тягостное молчание.

И тут он вдруг заговорил своим обычным, спокойным тоном:

– Литература, молодой человек, не терпит слабых. Это вам не бокс, где может повезти в решающем раунде. В литературе синяками не отделаешься, она убивает душу, быстро и качественно. Ваши тексты откровенно слабы, и я не знаю, что вы можете сделать, чтобы они стали лучше. У каждого писателя в жизни однажды наступает такой период, когда техника вроде есть и сюжеты еще не перевелись, а шедевра не получается. Словно бьешься головой о какой-то невидимый потолок, и так попробуешь, и эдак, ан нет – вроде все хорошо

получается, но не шедевр, не шедевр, не шедевр! – Куцего машинально поправил прическу и жестом остановил готовое сорваться с моего языка возражение. – Помолчите, молодой человек, если хотите хоть чему-нибудь научиться. В ваших текстах слабое место – это сюжет. Точнее не сюжет в общепринятом смысле, а то, что я называю «сюжетной составляющей персонажа» – поступки главного героя, его поведение в рамках происходящего в тексте. Нет-нет, с мотивацией у вас полный порядок, я понимаю, почему ваш стоппер так себя ведет, тут не придерешься. Вот только в процессе их совершения он перестает быть героем, понимаете? Он плывет по течению, он не действующее лицо, а всего лишь объект повествования, а субъектом остается автор. Заставьте его совершать поступки, причем не с бухты-барахты, а обдуманно поступки. Именно этого не хватает вашему герою – рефлексии. Когда он встает перед выбором и действует по зову, как говорит современная молодежь, собственной задницы, он остается субъектом. А вот когда он вопреки здравому смыслу выбирает нечто неосознанное, духовное, тогда он и оживает. И пусть критикам кажется, что с мотивацией не порядок, на то они и критики, чтобы истекать желчью, это их работа. А ваша задача – долбить головой потолок, пока его не сломаете. Или не пробьете голову, я уже говорил, что литература не терпит слабых.

– Как вы думаете, у меня есть шанс сломать этот потолок? – быстро спросил я.

– Ни малейшего, – отрезал Куцего.

Я несколько минут помолчал, потом спросил:

– Помните, вы говорили про катализатор. Нечто, что может протолкнуть писателя на следующий уровень. Это ведь вдохновение, да? Чтобы преодолеть природный потолок писателю необходимо вдохновение? Я вас правильно понял.

Куцего тяжело вздохнул, и я вдруг увидел, насколько этот человек устал.

– Никакого вдохновения не существует, – четко сказал он. – В принципе.

– Но катализатор...

– Катализатором может быть что угодно. Один мой знакомый писатель долго пытался бросить курить. Бросил. Через месяц закурил опять, а все написанные за этот месяц тексты отправил в корзину. Вместе с сигаретным дымом он теряет надрыв, на котором пишет романы. Ту самую искру, которая превращает просто хороший текст в шедевр. Для него табак – это катализатор.

– А что катализатор для вас? – на автомате спросил я и осекся, поймав ледяной взгляд писателя.

– Для меня катализатор – моя муза. Ирина. Я бы назвал ее смыслом жизни, но такое определение будет неполным. Она и есть моя жизнь, когда она полюбит другого, я умру.

Сказал – и сразу поднялся, ушел не прощаясь. Я отметил, что к еде он так и не приоткрылся.

Как и всегда в это время заиграла музыка, но на этот раз мелодии были все больше какие-то грустные. Мы потанцевали немного – всего пару танцев, а все остальное время сидели и молча слушали музыку, оба погруженные в себя. Ирина казалась мне сегодня совершенно чужой и неизмеримо близкой одновременно. Мы словно весь вечер вели с ней безмолвный диалог, пытались без слов настроиться друг на друга, понять, срастись, сродниться.

Когда мы вышли из кафе, небо хмурилось. С моря дул ветер, и пахло дождем. Я знал, что нужно немедленно вести ее в пансионат, чтоб успеть до ливня, но она попросила:

– Пойдем к тебе, – и такая при этом была мольба в ее голосе, что я просто не решился отказать.

И вот, прямо по дороге домой, когда с неба уже начинали падать первые капли, она вдруг начала рассказывать о себе и о Куцего.

Они познакомились, когда Ирина была еще школьницей. Она училась в той же школе, которую когда-то закончил Аркадий Борисович. Его – уже в ту пору известного писателя –

пригласили провести авторскую встречу для старшеклассников. Он пришел и просто очаровал аудиторию. В конце встречи он пригласил желающих в литературную студию при Доме писателей, и конечно все закричали, что придут. Пришли только Ирина и ее подруга. Ни тогда, ни потом ничего стоящего она не писала, но вот общение с Куцего так ей понравилось, что девушка стала посещать студию регулярно. Он ее заметил, стал заниматься с ней отдельно, и постепенно они подружились. Выяснилось, что у Аркадия есть жена и двое взрослых детей, но он уже давно живет совсем один: жена от него ушла еще в ту пору, когда он был никому не известным графоманом. Ушла со словами, что для него «писанина» важнее, чем семья. Став известным и начав получать хорошие гонорары, он начал помогать оставленной семье, а потом и вовсе содержать ее, но жить продолжал отдельно, хотя сейчас жена была совсем не против их воссоединения... Через пару лет после начала их общения, когда Ирине было уже восемнадцать, и она училась на первом курсе юридического, Аркадий (рассказывая, она всегда называла его именно так – Аркадий) признался ей в любви. Она была в шоке от этого признания, но с другой стороны благоволение Мастера ей льстило. Любила ли она его? Нет, никогда. Жалела – да, восхищалась – да, но не любила. Впрочем, это не помешало им стать любовниками. Связь эта длилась несколько лет. Когда она, наконец, поняла, что никогда не сможет полюбить его, случился первый разрыв – она начала встречаться со своим ровесником. Но писатель был мудр: он позволял ей все, что угодно, никогда не укоряя за измены, и она всегда к нему возвращалась. Но и это не могло длиться вечно: две недели назад она заявила ему, что уходит окончательно, что хочет быть свободной от него, выйти замуж, создать нормальную семью. Видя, что ему никак не удастся изменить ее решение, писатель вымолил у нее последнюю милость: совместную поездку на море. «Хорошо, – сказала она ему, – но там я буду от тебя совершенно свободна!» Он принял и это...

– Как, а разве я – это не ограничение твоей свободы? – в это время мы уже сидели у меня и пили чай.

– Нет, не ограничение, – ответила она. – Я сама тебя выбрала, и он с самого начала знает, что мы занимаемся сексом.

Вот это был тяжкий удар! Я сидел, разинув рот.

И тут она резко поднялась.

– Это все, что я хотела тебе рассказать. А теперь прощай, и не смей меня провожать!

Сказала – и выбежала прямо под водяные струи, оставив меня в одиночестве.

Всю ночь я не мог ни спать, ни писать – сидел и слушал дождь, который все набирал силу. Задремал лишь на рассвете, когда небо резко – как всегда бывает на юге – посветлело, а точнее посерело – оно было плотно обложено тучами.

Утро встретило ливнем. Я сомневался, что писатель в такую погоду не пропустит встречу, но сам решил идти, несмотря ни на что. В походном снаряжении у меня имелся простенький дождевик из полиэтилена, и я накинул его на себя, но он не смог спасти: уже через несколько метров я вымок насквозь. Тогда я вернулся назад (знал, что дурная примета, но мне было плевать), отыскал сухую футболку и джинсы, завернул их вместе с кроссовками в полиэтилен, чтобы не вымокли, и шагнул в ливень в одних плавках. Такая стратегия себя оправдала: не было мокрой одежды, липнущей к телу, и я чувствовал себя купающимся. Вода, правда, была прохладной, но это ничего – терпимо.

Выйдя к морю, я, наконец, увидел то самое разъяренное животное, о котором мы разговаривали с водилой, – оно бушевало, обрушивая на берег огромные водяные валы. Черное небо, черная ярящаяся вода, сплошная пелена ливня – я на пару минут забыл обо всем, созерцая это грандиозное зрелище.

В кафе я сразу проскользнул в туалет, где вытерся бумажными полотенцами и переоделся в сухое. Вид получился почти приличный. И только тут я вспомнил, что впопыхах

не взял с собой денег – если Куцего не пришел, то мне придется возвращаться под ливень, даже не позавтракав...

Он пришел. Сидел как всегда за своим столиком и что удивительно – абсолютно сухой. Невольно вспомнилось о том, как море жалело его ботинки. Я решил, что сегодня у нас будет откровенный разговор, причем не о литературе. Я очень хотел поговорить начистоту. Но вышло не совсем так, как я предполагал. Куцего сделал заказ, на этот раз помимо еды официант принес бутылку водки и одну стопку. Аркадий Борисович молча налил себе водки, залпом выпил, закусил черным хлебом, внимательно посмотрел на меня. В его глазах заиграла какая-то искра, я не смог определить, что это был за взгляд: уважение, сочувствие, понимание.

– Бытует мнение, что сегодня в большую литературу невозможно пробиться без денег или связей в издательском мире. Это однобокий подход. Да, посредственный писатель может стать легендарным, если в его раскрутку вложены серьезные деньги. Например, один очень мегатиражный писатель был раскручен просто на спор. Дело происходило в баре, на втором этаже Центрального дома литераторов. Спонсор сказал: «а хочешь?» Писатель, не будь дураком, ответил: «хочу!» И его постыдаер стал известен по всей России, пошли миллионные тиражи, которые, кстати, еле-еле отбили вложенные в него деньги. Сейчас он планирует замутить межавторскую серию по своему миру. Проблема одна, это слишком убыточное предприятие, мир-то убогий, ограниченный. Да и подземные сооружения есть не в каждом городе. Такие примеры, казалось бы, должны убедить, что без толстого кошелька в большую литературу не стоит и соваться. Но если вдуматься, они доказывают обратное, первичен именно текст. Из десяти книг, выходящих в основных отечественных издательствах, прибыль приносят только две-три. Еще пять крутятся где-то в нулях, остальные убыточны. Проблема в том, что при всей мощи современной издательской машины невозможно предсказать, какие тексты принесут прибыль. Книгоиздание похоже на лотерею. И знаете, молодой человек, почему издатели идут на риск, выпуская убыточные книги, выплачивая большие гонорары начинающим авторам? Они хотят сорвать джек-пот. Время от времени появляется идеальный роман, который при минимальных вложениях способен принести серьезную прибыль. Моя «Ось второго порядка» – хороший пример такого текста. Я сейчас могу вообще ничего не писать и прекрасно проживу на выплаты от переизданий этого романа. Напишите такой текст, и вы сразу окажетесь в когорте коммерческих авторов. Напишите два таких текста, и вы при жизни станете классиком.

– А чем отличаются коммерческие авторы от классиков? – робко спросил я.

Аркадий Борисович пристально взглянул на меня, налил себе водки, выпил.

– Коммерческие писатели – это мейнстрим, те, кого любят читатели. Деньги, тиражи, экшн. Классики – это те, кого любят литературоведы. Тексты на стыке с философией, глубокие мысли, три-четыре уровня восприятия. Как правило, эти два направления не сочетаются. Либо ты пишешь, чтобы развлечь читателя, либо чтобы заставить его задуматься. Но из любого правила есть исключения. «Мастер и Маргарита» Булгакова, «Доктор Живаго» Пастернака. Кстати, последний роман был обречен на неудачу – будь он написан сегодня, его не взяли бы ни в одно издательство. У Пастернака чересчур поэтичный язык, его предложения – сплошное нагромождение образов, по которому плачет институт корректуры. Но... роман выстрелил. Нобелевская премия пятьдесят восьмого, всемирное признание... Тот самый джек-пот. Хемингуэй, Камю, Мориак, Киплинг... Они были моими кумирами. У меня до сих пор сохранилась тетрадка, куда я выписывал их биографии. Потом я перешел на отечественных классиков. Тургенев, Лермонтов, Пушкин. Знаете, эти люди совершенно не похожи друг на друга, но биографии их написаны будто по шаблону. Достаточно слабые тексты на старте, потом умеренный рост, и вдруг резкий скачок, переход на другой уровень. Пушкин, писавший похабные салонные стишки, и автор «Евгения Онегина» – будто бы раз-

ные авторы. А Булгаков! Сравните написанный в двадцать третьем «Ханский огонь», мастеровитый, но нисколько не выдающийся, с законченным в сороковом «Мастером».

– Любой литератор совершенствуется со временем, – заметил я.

Куцего сверкнул глазами и негромко возразил:

– Я знаю многих наших современников, начинавших гораздо сильнее Булгакова. Я вам по памяти могу назвать десятки современных рассказов не хуже «Ханского огня». А много ли романов вы знаете, которые можно поставить в один ряд с «Мастером и Маргаритой»?

Я промолчал, и Аркадий Борисович одобрительно хмыкнул.

– А знаете, что еще общего я обнаружил в биографиях великих писателей? Женщину!

Эта фраза Куцего была столь неожиданна, что я фыркнул.

– Вы что-то хотите возразить, молодой человек? – тон Куцего моментально стал ледяным.

– Женщина есть в биографии каждого мужчины, – как можно более мягко постарался сказать я. – Люди гетеросексуальны, так устроен мир.

– С появлением женщины в жизни каждого из великих писателей произошел качественный скачок. Переход на новый уровень. На смену мастерству пришел гений. Каждый из классиков обрел свою музу. Про это не всегда можно узнать напрямую, из биографии писателей. Например, про Полину Виардо знает любой школьник, а о наличии музы у Лермонтова можно судить только по его произведениям. Помните образ Веры из «Княжны Мери»? Он возник отнюдь не на пустом месте.

– И здесь нет ничего странного, – ответил я, думая об Ирине. – Женщины испокон веков вдохновляли мужчин на поступки. Будь то шкура мамонта или романс, посвященный даме сердца.

– Я попытался нарисовать для себя образ этой загадочной музы... – задумчиво продолжил Куцего. – Да-да, я считаю, что это была одна женщина. Конечно, внешность была каждый раз чуточку иной, блондинка или брюнетка, молодая или не очень... Но вот психологический портрет... Он прекрасно лег на всех этих дам. Как будто это была одна женщина. У Тургенева и у Булгакова, у Лермонтова и у Пушкина, у Киплинга и у Хемингуэя.

– Пушкин и Лермонтов современники, – напомнил я, всерьез опасаясь за психическое здоровье мэтра. – Как они могли делить одну музу на двоих?

– Слава к Лермонтову пришла только после гибели Пушкина. Помните «Смерть поэта»? Они встречались перед этой дуэлью, у них была одна женщина, она была с Пушкиным, а потом полюбила Лермонтова. Когда муза уходит от писателя, тот должен умереть! – Мне казалось, Куцего не видит меня, его слова слились в одно сплошное бормотание. То ли сказался алкоголь, то ли просто стресс, вызванный потерей любимой. – Мое время уже истекает, молодой человек, и я так и не нашел выхода. Я стал тем, кем стал, благодаря Ирине. Я впервые увидел ее еще в школе, и у меня пол ушел из-под ног. Сначала я не понял, откуда ее знаю, пытался вспоминать, мучился, а потом вдруг осенило. Это она, муза великих писателей. Я в жизни не встречал никого похожего, и вдруг – раз и бинго! Я в то время был уже известен, но известность была липовой. Я бился головой о потолок и подумывал уже оставить литературу. А потом написала «Ось второго порядка». Это все она, Ирина. Ее заслуга. С самого первого дня она заняла все мое сердце, без остатка. Все эти годы я жил только ею и литературой. Они переплелись в моей жизни, они стали моей жизнью. А сейчас жизнь потеряла смысл, – Куцего взглянул на меня, и теперь я понял, что увидел в его глазах в самом начале разговора. Это были пустота и отчаянье.

– Аркадий Борисович, попробуйте когда-нибудь изложить эту историю на страницах своей новой книги, – предложил я. – Это получится шедевр не хуже «Оси».

– Я это никогда не напишу, – прохрипел Куцего. – Я вообще больше ничего не напишу – мое время на исходе.

– Тогда это сделаю я, – ляпнул я. – Причем сяду писать прямо сегодня!

Сказал – и сам испугался своей наглости.

– Хорошо, – вдруг согласился он. – Пиши.

Я встал и вышел обратно под ливень. Его струи стали еще холоднее, а море просто взбунтовалось, яростно терзая землю, – валы докатывались почти до дверей кафе.

Вернувшись домой, я переоделся в сухое, сварил в турке кофе и сел писать. Ушел с головой в этот процесс настолько, что не пошел на ужин.

Было уже темно и лило с прежней силой, когда кто-то отчаянно начал колотить в мою дверь. Открыв, я увидел Ирину. Несмотря на плащ и большой зонт, она вся была мокрая – струи воды стекали на пол. Лицо ее тоже было мокрое, но виной тому был не только ливень – она плакала.

– Что случилось? – спросил я у нее, помогая снимать мокрую одежду.

– Арк-к-адий пр-ропал, – с трудом выговорила она – зубы ее стучали от холода.

Почти насильно я раздел ее полностью, завернул в одеяло, и вручил чашку горячего кофе. Теперь, глядя на нее еще и через призму фантазии Аркадия Борисовича, я знал о ней, вероятно, больше, чем она сама. Это было удивительное чувство.

– Сидит, наверное, в одном из кафе, зря ты беспокоишься, – сказал я как можно спокойнее.

– Нет, – ответила она. – Еще днем все кафе закрыли. Штормовое предупреждение. А его нет с самого утра...

И вдруг – без всякого перехода, без предупреждения, она облепила меня всем своим телом, и зашептала:

– Игорь, я люблю тебя. Я хочу быть твоей навсегда.

Это было так неожиданно, что на секунду я растерялся. А уже в следующую мы вновь, как в самую первую встречу, стали единым телом, которое невозможно разделить. Назвать это сексом было бы кощунством. Я понял, что жить дальше без нее уже не смогу.

– Я люблю тебя больше жизни, – прошептал я в ответ.

И все-таки я не мог заснуть, хотя Ирина-Инь (теперь я всегда буду называть ее этим именем!) посапывала у меня на плече. Я чувствовал, что у меня есть долг перед Аркадием Борисовичем. И я вновь сел писать.

Когда я закончил, было около полудня. Буря, наконец, прекратилась, и в лужах весело прыгали солнечные зайчики. Разогнув затекшую спину, я потянулся, и в этот момент сзади меня обхватили ласковые руки.

– Доброе утро, любимый.

– И тебе доброе утро, любимая.

– Мы должны найти его и рассказать обо всем. Ни дня больше не хочу жить без тебя.

– Мы найдем его и обо всем расскажем.

Мы его нашли, вот только рассказать ему обо всем оказалось затруднительно. На берегу моря, все еще ворчливого, но уже совсем не такого грозного, как вчера, прибоем выбросило много мусора: какие-то доски, бревна, пустые бутылки. Мое внимание привлекло одно из бревен, похожее на большую черную рыбу. «Неужели дельфин?» – подумал я, и мы подошли ближе. Оказалось, это мертвое тело Мастера. Я и не узнал бы его, но у Ирины не было сомнений. Молча, без крика, она опустилась на колени и застыла. Наверное, я всю жизнь буду помнить эту картину: черное безжизненное тело мужчины, а рядом стоящая на коленях девушка в белом. Плачущая, она опустила голову, и ветер, шая, играет ее длинными волосами. В тот момент меня впервые посетила мысль, не дающая жизни последние годы. Что со мной будет, если она когда-нибудь полюбит другого?

Камелия Санрин «Чернокнижник»

Страница повиновения

– Маа-линька ео-лачки холадна зи-мой! Ииз-лису ео-лачку взяли мыда мой! – завывала малышня, хватая друг друга за руки, и побрела вокруг елочки. А я побрел в школьную библиотеку, зажимая правой рукой ухо, а левой «Билет на Транай».

Еще когда директор поздравлял, я заметил, как за его спиной прокрался Мефодий Маркович – и подумал, что библиотечка, наверное, открыта.

– Буу! сыра взвесили, встали в харавот! Весила-весила с третим Новый Год!

На самом деле, «Билет на Транай» – лишь повод. Мне просто надо в библиотеку. Я знаю, что там есть одна книжка, только не знаю, какая. Я же не просто читаю – я читаю все предисловия и все, что в самом конце – тоже, – и сноски все читаю. А иногда, когда очень увлечешься, получается читать между строк. Сморгнешь – и нету ничего. А только что, вроде, было.

Я этот «Билет» прочитал уже на несколько раз. И тут каникулы, а читать нечего. Вот я и взялся опять за «Билет на Транай». Начал читать – и прочитал между строчек про ту книжку. Я про нее уже в разных книгах читал, даже в Энциклопедии читал. Только потом это все равно не найдешь – того, что между строчек – в оглавлении не бывает.

Тут вдруг я понял, что надо ее найти, эту Книгу. Не ждать, пока она сама в руки попадется – а идти и искать. И не в районной библиотеке, и не в заводской, и не в городской – там я, как раз-таки, все давно обшарил. А надо искать в школьной библиотеке, потому что она вечно закрыта, и я даже половины всех книг у нас не знаю!

И вот я обул свои дурацкие валенки, влез в свою дурацкую старую куртку и помчал в школу. Я знаю, что там только малышня на утреннике, но так подумал: а вдруг? И вот он как на блюдечке, наш библиотекарь! Он же историк. Он же старший пионервожатый.

– Мефодий Маркович! Здравствуйте! – закричал я удаляющейся спине. Голова подвинулась ближе к плечам, ноги завертели невидимые педали – библиотекарь удалялся на крейсерской скорости.

Вот в таких ситуациях валенки незаменимы – на школьном линолеуме они не уступают в скорости спортивным конькам. Мефодий Маркович скрипнул ключом, открывая дверь библиотеки – и тут я впулился ему в спину:

– Ой, простите, я нечаянно!

«Ну, конечно, «нечаянно»! «Знают они нас»! «Вечно мы»! «...и только вред один!»...

Мефодий зашел только на минутку – ну так и я только на минутку! Моему растущему организму требуются свежие книжки на каникулы! Я быстренько выберу что-нибудь, или, может, Мефодий посоветует?

Библиотекарь, не глядя, схватил со своего стола книжку в черной обложке и сунул мне в руку. И тут же вырвал обратно:

– Извини, эта для взрослых... Сейчас я тебе найду... где же она была? – Он открыл ящик своего стола, порылся в ящике и протянул мне книжку в черной обложке: – Вот!

И тут же выхватил ее у меня из рук:

– Что-то я не в своей тарелке. Посмотри пока на полках.

Я посмотрел на полках, набрал стопку приключений и фантастики, и в самом дальнем углу, на самой нижней полке стеллажа заметил черную книгу. Я сунул ее под свитер и нарисовался перед библиотекарем – записать свою стопку.

Вот так вот. «Ничего хорошего» – скажет папа. Мама разорется и потащит меня за шкуру назад. Это, если они узнают. А они не узнают. Библиотека будет заперта все кани-

кулы, а к тому времени я прочитаю все книжки на три раза – и верну их назад, вместе с черненькой. Ох, скорей бы добраться до тихого местечка!

Ну да, я украл эту книжку. Но я же не насовсем. К тому же, у нее корешок оторвался, а я его подклею. И грязная она какая-то, как будто углем выпачкана.

Книжка оказалась про книги. Про то, как они пылятся на полках и спят, пока их не откроешь. «Гибернация» это называется. Про то, как книги радуются, когда их читают, как становятся живыми... про страницу неповиновения. Про то, как написать эту страницу и как ее вклеить в книжку. И про то, почему в наше время стало очень мало живых книг.

И тут мама отправила меня в постель и вытащила из-под подушки приготовленный фонарик. Мама выразительно подняла брови, громко вздохнула и пошла ябедничать папе. Пришел папа, сгреб в охапку все книжки с моего стола:

– Утром получишь. Спокойной ночи!

Какая «спокойная ночь»! Мне не терпелось написать эту страницу и проверить, как она работает. Я придумывал, как живые учебники будут открываться во время контрольной, как весь раздел НФ промарширует по улице к моему дому... нет, не надо – промокнут и расклеятся. Пусть книжки соберутся на самой дальней полочке библиотеки и сами прыгают мне в руки, чтоб мне не искать! Вот это будет жизнь! Тут я подумал, что сначала же мне надо вклеить в эти книжки мою страницу и только потом они будут меня слушаться... ладно, придумаем что-нибудь.

Утром я первым делом схватил черную книгу и стал читать дальше. И я узнал про страницу повиновения, которую гораздо проще написать. Я тут же ее написал, переписал, еще переписал – и вклеил во все книжки по такой странице. С каждой законченной книгой я вставал посреди комнаты и читал вслух мою страницу. И книжки приподнимались со своих мест и медленно кружили вокруг меня. Когда все книги получили страницу повиновения, я принялся за страницу неповиновения.

Если для страницы повиновения достаточно капельки крови на бутылочку чернил, то страница неповиновения пишется одной лишь кровью. Это больно.

Это очень больно и почерк становится корявый и буквы сливаются, а в глазах начинает рябить и капает клякса и приходится начинать все с самого начала. Я промаялся все каникулы и даже не выходил на улицу гулять. Только красные буквы мельтешили в глазах все время: «Первочтение безошибочно, второчтение углубляет, многочтение стирает, убивает, запечатывает...»

Папа с мамой вытащили меня на елку в новогоднюю ночь, но я упал, посадив себе огромный синяк на лоб. Синяк спас меня от дальнейших прогулок.

Без страницы неповиновения я бы сам не смог вспомнить, что было в книге до того, как я в нее вклеил страницу повиновения. Вот в чем суть.

В первый день третьей четверти я вернул книги в библиотеку, вместе с черненькой. В ней добавилось две страницы – в начале и в конце. Крахмально белые листки бумаги слегка пожелтели и буквы подровнялись под типографский шрифт, не отличишь от остальных. В школьной сумке у меня лежала пачка страниц повиновения, клей и ножницы.

Первым уроком была математика, и к доске, как всегда, вызвали Сырбачеву. Она тосковала, вдавливая мел в доску, выводила черточки и загогулилки и незаметно вытирала глаза, будто соринка попала. Вот, зачем учителя так делают? Вика Сырбачева поет так, что заслушаешься, и рисует лучше всех – и вот ее вызывают на всех уроках к доске, чтобы доказать, какая она дура:

– Садись уж, горе луковое! Два!

Я прошептал первую строчку из страницы неповиновения (я же ее наизусть помню!) – и журнал шмякнулся с учительского стола на пол. Я тут же подскочил подать. Журнал сам

раскрылся на нужной странице. Я протянул его учительнице. Та поправила очки и побежала карандашиком по строчкам:

– Лэ, Мэ, Нэ, О, Пэ, Рэ, Сэ... Сырбачева, – карандаш с хрустом сломался. Учительница поднесла журнал поближе, поводила носом в разные стороны, вытянула руки, откинув голову, прищурилась... – Ай-яй-яй! Пять, пять, пять, пять-пять – и тут, на тебе! – двойка! Неси дневник!

Учительница вляпала размашистую каляку в дневник, Сырбачева поплелась на свое место. Когда она поравнялась со мной, я подержал за дневник – тот выскользнул у девочки из рук. Я положил раскрытый дневник на ее парту. Огромная нарядная пятерка, первая в четверти – прямо, открытка! Что и требовалось доказать. Сырбачева села и до конца урока паялась на эту пятерку, покачиваясь тихонько вперед-назад.

Мелкий вертлявый Олег Подчебучин, сидевший позади нее, тут же скопировал обалделость Викиного лица, вцепился пальцами в свои локти и стал раскачиваться вперед-назад. Ему было с чего обалдеть – с этого момента он остался единственным двоечником в классе.

Книжка со страницей повинования гораздо интересней обычных книжек. На перемене я вклеил в алгебру еще одну страничку и показал Сырбачевой новую тему. Она взахлеб прочитала про квадратные уравнения, забрала у меня алгебру и зачиталась.

Меня распирало от всемогущества. Я заглянул в медпункт, взял брошюрку про грипп, тут же на подоконнике вклеил в нее страницу повинования и помчался в учительскую. Из дверей учительской выходила завучиха, я чуть не вписался в нее:

– Валентина Дементьевна! А правда, что у нас теперь уроки по тридцать минут? – я протянул ей брошюрку про грипп. Название брошюры изменилось, теперь это было «Постановление об изменениях школьного распорядка». Завуч глянула в первую страницу, развернулась и захлопнула за собой дверь учительской. Прозвенел звонок.

Я запрыгал по лестнице наверх.

– Инкосин! Ты почему не на уроке? – Мефодий Маркович разговаривал с каким-то дядькой, увидел меня, замахал руками: – Знакомься, это писатель Минор Ласточкин, он пришел к вам на урок литературы. У вас ведь литература сейчас? Проводи писателя.

– У нас литература следующим, а сейчас физика!

– Ну, все равно.

Я скатился обратно вниз по ступенькам, запнулся и чуть не растянулся у ног писателя. Зашипел «Первочтение безошибочно, второчтение углубляет...» – у меня, похоже, за каникулы никаких своих ругательств не осталось. Мефодий Маркович замер, одна нога на весу, обернулся и смотрел нам вслед, пока мы шли с писателем по коридору. Мы повернули, я заложил руки за спину, а из портфеля у писателя выползла книжка и прыгнула мне в руки:

– Вот здесь, – я кивнул на дверь кабинета литературы и побежал к себе на физику.

И вот я открыл эту книжку, устроил поудобнее на коленях под партой и начал читать. И ничего не понял. Я перечитал первый абзац. Прочитал десять страниц, пятнадцать... вытащил потихоньку страницу повинования из своих запасов, вклеил – и начал читать опять с самого начала. Стало гораздо интересней:

«Предисловие. Эту книжку написал очень глупый человек. Поэтому смысла в ней не ищите. Здесь нет сюжета, нет персонажей, здесь просто собраны вместе все умные слова и фразы, которые удалось выучить писателю М. Ласточкину за свою нелегкую жизнь. Учась в школе, он подлизывался к учителям ради хороших оценок. Закончив школу, он отсидел пять лет в университете, как в тюрьме, научился притворяться умным и начал писать книги, которые тоже притворяются умными, а на самом деле пустые, как барабан.»

Следующим уроком была литература.

– А сейчас, дети, перед вами выступит наш гость, заслуженный писатель, член союзов и лауреат – Минор Ласточкин!

Все захлопали.

Писатель прокашлялся и стал читать нам отрывки из своей книги. Читал он не думая, даже не слушая самого себя. Потому что, если бы он себя услышал – он бы перестал читать. Слова-то ведь были совсем понятные:

– Я знаю, что простыми словами говорят только те, кто не умеет притворяться умным. Когда такие люди меня о чем-то спрашивают – я отвечаю им самыми длинными и запутанными словами, какие только помню. Поэтому меня боятся. А если боятся – значит, уважают. Я самый уважаемый член в нашем союзе писателей!

Учительница смотрела на него в ужасе. Не выдержала и истерично захлопала:

– Ой, как мы вам очень благодарны! Каждый ребенок теперь обязательно захочет прочитать вашу книжку! Правильно, дети?!

– Дааа! – с энтузиазмом подхватил наш восьмой «А».

Власть над книгами, власть книг

* * *

После школы я времени не терял, бегом по библиотекам и вечером шмякнул на письменный стол авоську с книгами. Сверху я аккуратненько положил стопку журналов «Смена», «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Знание – сила», «Уральский следопыт» и «ИЛ». Мама сразу исчезла со своей любимой «Иностранной литературой», а папа похмыкал, перебирая книги, с видимой неохотой взялся за журналы, но подшивка «Уральского следопыта» его добила. Папа буркнул что-то невнятное про уроки, схватил «Уральский следопыт» и твердой походкой направился к двери в зал. Зашелестели страницы, заурчали довольные родители, обмениваясь цитатами. Я остался наедине с моими книжками.

Идея вклеить страницу повиновения в библиотечный формуляр оказалась просто гениальной. Никому и никогда не дают на дом журналы – сиди и читай в читальном зале. И только Инкосин Эдуард Сергеевич, 13 лет, 8"А» класс, имеет исключительное право брать сколько угодно журналов на дом. Формуляр – тоже книга, только очень маленькая. Книга учета библиотечных записей.

Я начал экспериментировать. Я прочитал «Каллистяне» Мартынова – и вклеил к каллистянам свою страницу. Книга похудела вдвое и стала намного интересней. Я вклеил свою страницу в «Билет на Транай»... и книга стала втрое толще. Я обрадовался: еще бы! в три раза больше фантастики! – но обрадовался я зря. Книжка стала понятней, да. Но перечитывать я бы ее не стал. Я попробовал вклеивать страницу повиновения в «Нержавеющую крысу», в «Другой миф» Асприна – и с тем же результатом: книжки становились толще, становились понятней... и их не хотелось перечитывать. Из них исчезла загадка.

Загадка исчезла из «Тайны двух океанов» – «Тайна» при этом похудела. Я подумал, что в «Тайне» было много лишних слов, которые прятали смысл. Была путаница, но не было настоящей загадки.

А в «Нержавеющей крысе» и других интересных книжках, наоборот, была загадка, но слов было меньше, чем мыслей. Сделано это для того, чтобы я мог сам додумываться до новых идей. Но страница повиновения превращает интересные книжки в обычные, где не надо ничего додумывать и угадывать. В них все становится понятно. Загадка исчезает и вернуть ее уже не удастся – я перерос эту книгу. Понял и потерял.

Мне стало грустно. Я испортил пониманием столько хороших книг...

* * *

– Ты стал какой-то рассеянный, – сказала круглая отличница Сырбачева.

– Ты тоже изменилась. Учишься на одни пятерки.

– Я не знаю, как это у меня получается. Я ничего особого не делаю, просто вдруг стала понимать все учебники...

– А хочешь почитать «Крысу из нержавеющей стали»? Моя самая любимая книжка! – я хотел добавить: «была».

– Давай!

Я достал из портфеля «Крысу», вырвал из нее первую страницу и протянул Сырбачевой. Вырванную страницу засунул себе в карман.

– Извини, там страницы не хватало, я ее сам переписал из другой книжки, но вышло некрасиво. Я переделаю.

– Я могу переделать! Я умею очень красиво писать.

– Потом. Ты сперва прочитай!

Я проводил ее до подъезда и пошел домой.

У подъезда кружились в свете фонаря снежинки.

Дома отец, не отрывая носа от своих журналов, помахал мне рукой в сторону кухни. Мама промывала что-то вроде «помойки сабой по суду» и забыла обо мне. Я отрезал хлеба, намазал маслом и отправился к себе читать. Утром я начал читать «Имя розы», читал на всех подряд уроках – учителя пытались мне мешать; но, наконец, можно почитать в полной тишине с надеждой, что меня не побеспокоят. Время исчезло, растворившись в книжных страницах. Я дочитал роман, закрыл последнюю страницу и замер, стараясь удержать в глазах ускользающий мир. Взял журнал «Знание; сила» полистать.

Каждый вечер перед сном папа читает вслух. В проем двери просунулась мамина рука, помахала мне призывно. В другой руке мама держала «Иностранку».

– Быстро в зал! – мама выключила свет, перелистнула страницу и закрыла журнал. Я, не отрываясь от чтения, побрел за ней.

Папа полистал вечернюю книгу, нашел отправную точку и зазвенел:

– «Как ныне собирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...»

Мне кажется, я всего Пушкина знаю наизусть, но каждый вечер, когда папа начинает читать, происходит какое-то волшебство. Произнесенные слова растворяются и остаются только музыка и течение образов – не картин, но и не слов, я не знаю как это называется – мир вокруг становится сказкой. Папа читает каждый вечер, всегда, всю жизнь читает одну и ту же огромную книгу в темном кожаном переплете.

Я вынырнул из своего журнала и погрузился в папин голос.

Чтение закончилось, отец закрыл книгу и поднялся, чтобы положить ее в книжный шкаф. В шкафу живут и другие книги, но лишь постольку, поскольку вечерняя книга не раздражает. Она там главная. А простой книжный народ толчется на стеллажах справа, слева и напротив.

– Знаешь, такое странное ощущение, будто и хазары не совсем плохие и Олег не совсем хороший, а деду вообще пофиг на все...

Папа улыбнулся:

– В этом и дело. Что бы ни писали в учебниках – Пушкин старался сам все ощутить на своей шкуре. Собственно, этим он и отличается от большинства писателей.

– И цветом кожи, – я улыбнулся в ответ и ушел чистить зубы.

Собственно, мы воспринимаем Пушкина как члена семьи. В ванной я открыл «Знание-силу» и стал читать одним глазом, стараясь держать отражение в зеркале под контролем. Второй глаз покрутился туда-сюда и нырнул тоже в текст. Так я и выполз из ванной с белыми пятнами вокруг рта. И никто меня не видел.

Процесс перемещения из ванны в спальню, положение тела в пространстве – вертикальное сменилось на горизонтальное – я не замечал ничего. Ну, попался рассказ...

В дверной проем просунулась мамина рука, пошарила по стене в поисках выключателя.

– Быстро спать! – мама погасила свет в моей комнате, перелистнула страницу и ушла дочитывать.

Им можно, а мне нельзя. Ага. Конечно. Я не дал справедливости страдать, включил снова свет и взялся перечитать «Трех мушкетеров».

Я не вклеивал в «Мушкетеров» страницу повиновения, книжка казалась интересной, но почему-то, в отличие от «Имени розы», читать не очень-то получалось. Раньше я просто нырял в книгу, переставая слышать и замечать окружающее. Я дрался вместе с героями, изобретал, путешествовал, ненавидел – я не замечал букв, не замечал времени, я забывал о себе.

Раньше я не был всемогущим.

Но вот я умею такое, что любые мои желания могут стать реальностью – ведь книги правят миром. Если в моем свидетельстве о рождении будет записано, что я сын китайского императора – в Китае появится император и я буду его сыном. Если в университетских книгах будут записи о том, что я сдал все экзамены – я стану доктором любых наук, самым молодым в мире. Но я ведь этого не хочу. У меня самые лучшие в мире родители. Если я стану доктором наук, мне придется бросить школу и идти работать, а я же ничего не умею. Да и не хочу. Все, чего я хочу – это чтобы мне не мешали читать. И чтобы папа с мамой не расстраивались.

Когда я вспоминаю ту ночь, мне неизменно мерещится, будто я держу в руках какую-то книгу в красной обложке – но не могу вспомнить ни названия, ни о чем эта книга... Видимо, в какой-то момент «Мушкетеры» мне настолько наскучили, что я задремал. И вдруг встрепенулся:

...А если мой папа вдруг оказался бы сыном короля?

Эта мысль убила во мне последний интерес к «Мушкетерам».

Я погасил свет и улегся обдумать план действий. У папы скучная работа в конструкторском бюро, а он любит музыку. Мама всю жизнь мечтала о путешествиях... А в школе что будет! Вот это да!

Я прокрался в зал, вклеил куда надо свои страницы и стал ждать утра. Походил из угла в угол, глянул на часы и решил ждать лежа.

На папину фуражку приземлилась огромная муха. Папа вскинул к козырьку руку в белой перчатке, муха нехотя оторвалась от белоснежного муходрома, покачала тяжелым брюшком над папиной головой и шмякнулась назад.

Оркестр заиграл что-то громко-экзотическое.

Я проснулся. В соседней комнате экзотическим голосом кричала мама.

Я бросился к родителям, сломя голову.

Мамин крик оформился в слова:

– Луиджи! Что с тобой?!

Я вдруг припомнил, что папу зовут не Сережа, а Луиджи и что мой папа... чернокожий.

Дверь спальни распахнулась, родители уставились на меня и мама возобновила свой экзотический крик. Папа дернул меня за руку к зеркальной двери шкафа. Там мы с ним отражались. Мой чернокожий папа и я – вылитый отец. Такой же чернокожий и кучерявый.

Мама опомнилась первой:

– Представляете, мне приснилось, что Сережа белый! ...То есть, Луиджи. А во сне ты был Сережа и белый. И Эдик был белый. Мне стало страшно и я проснулась. Или наоборот – я проснулась и мне стало страшно. Потому что я увидела как на самом деле и поняла, что я же не могла бы вас любить другими... или могла бы. – Мама мотнула головой, стряхивая сон: – В общем, ерунда какая-то! Давайте завтракать!

Папа дергал кудряшки на своей макушке, задумчиво уставившись в зеркало. Похоже, ему тоже что-то приснилось.

Я убежал в кухню чистить авокадо, мама достала вчерашний кускус, заглянул папа в белом костюме:

– Я от завтрака воздержусь. В посольстве кормят как на убой.

– Ты сегодня опять в посольство? – мама поправила папе галстук.

– Приехал мой одноклассник из иезуитского колледжа, нельзя не пойти, – папа вздохнул: – Вчера была делегация наших врачей на слет кардиохирургов... Позавчера была певица Ннека... замечательная певица, но... Мне уже не верится, что я смогу когда-то снова преподавать музыку... как я был счастлив с моими студентами!

Бюрократический иммунитет

Мефодий Маркович подстерег меня возле дверей школьной библиотеки.

– В советские времена, когда царили произвол и притеснение, а прозаик М. Ласточкин был еще поэтом, ему подарили буржуйскую паркеровскую ручку, чтобы расписаться в получении литературной премии. Ручка оказалась с чуждым уклоном и поэт Ласточкин создал кляксу на важном для бухгалтерии документе. Каковую кляксу он тут же попытался опротестовать в обкоме с целью продолжения процедуры получения наличной премии. Однако, получил разъяснения: «Писатель у нас свободы не имеет, а потому вместо денежной премии получает полное собрание сочинений руководителя страны. А буржуйская клякса имеет иллюзию свободы и помещается в рамку на стену в музее соцреализма.»

А при этом, Эдуард, данная историческая клякса обладает свободой воли и умеет распространяться в любые документы. То есть, не такая уж маленькая «иллюзия свободы», как выразился товарищ из обкома. Тебе не надо знать, что такое «обком». Усвой вот что: эта паркеровская клякса и есть печать неприкосновенности.

Увидев меня около библиотеки, Мефодий Маркович дернул мой воротник так, что я ввалился в библиотеку, и запер дверь. После чего стал читать мне свою лекцию.

– Мефодий Маркович, я не понимаю...

Библиотекарь не дал договорить:

– Все ты понимаешь, мой чернокожий чернокнижник... На тех, у кого есть печать неприкосновенности, твоя магия не действует.

– То есть...

– У меня есть печать. И у Мирона Ласточкина она есть. Не будь этой печати, он мог бы заметить, что над ним смеются. А так он защищен от возможности что либо понять... Но для умного человека все совсем наоборот. Я знаю, чем ты занимаешься. Я помню, что вчера ты был белокожим оболтусом, а сегодня ты чернокожий принц – у меня бюрократический иммунитет, понял?

Я лихорадочно соображал. Но ведь Мефодий Маркович – всего лишь библиотекарь, что он мне сделает?

– Но ведь вы всего лишь библиотекарь! Что вы мне сделаете?

– Не «всего лишь». Я – Библиотекарь. Человек, который умеет обращаться с книгами. А книги, как ты успел заметить, правят миром... Ты должен остановиться, пока еще не поздно. Прекрати использовать добавочные страницы, забудь о них!

– Да с какой бы стати?! Кто вы такой, чтоб мне указывать? Я, между прочим, пока еще принц.

Я расправил плечи, припомнив все свои столкновения с учителями. Никто никогда не смел перечить мне. Может быть, в той, другой жизни, где я не был принцем – но не в этой. По крайней мере, я такого не припомню.

Припоминание – это добавление к памяти чего-то, чего в ней раньше не было. С того момента как я стал принцем, я многое начал припоминать. Например, свою поездку к бабушке в Кампане.

– А вы знаете, что у моего дедушки на службе есть специальное подразделение для разговоров с такими, как вы, Мефодий Маркович?...

Мефодий Маркович вздохнул:

– Эдуард, мне нечего возразить мальчишке, апеллирующему подобными приемами... но ты любишь книги, я знаю. Ты должен меня понять...

– Принц Капманде никому ничего не должен.

Внутри у меня что-то зашекотало от гордости.

– Ты думаешь, что научился контролировать книги – на самом деле это книги контролируют тебя...

Я невозмутимо развернулся, открыл дверь и вышел из библиотеки.

От двери отскочил Олег Подчебучин, отвернулся, рассматривая стену напротив.

* * *

Было когда-то давно время наших совместных игр. Было то в детском садике «Калинка» (или «Малинка»? – не помню), и во дворе нашей девятиэтажки, где мой сильный папа катал нас по очереди на плечах и пугал дикими гиппопотамскими выкриками. Олежка без раздумий откликался на все мои идеи, бросаясь в огонь и в воду, если я прикажу – и радовался. И я радовался нашим играм, пока однажды не загнал Олежку на березу и не приказал ему:

– Прыгай! Ты – белка-летяга.

Летяга прыгнул и приземлился со сломанной ногой. И лежал на земле, тихонько покусывая, потому что я запретил ему кричать. И смотрел на меня доверчиво как всегда. Ждал терпеливо помощи.

И я не могу этого забыть. В какой бы из моих жизней это ни случилось – я уже не могу беспечно играть с Олежкой. Не могу ни позвать куда-то, ни приказать, ни даже просто предложить что-то для меня сделать.

Я тогда и начал читать запойно – пока он не мог ходить, лежал дома со своей сломанной ногой. А я брал из дому книжку и читал на лавочке возле подъезда. Лето было жаркое, а играть было не с кем.

В один из тех солнечных дней дверь подъезда закрипела и выпустила Олежку. Нога зажила, гипс сняли.

– Эдя! – он бросился ко мне. – Пойдем играть!

– Не могу, мне книжку надо дочитать. – Я захлопнул книжку, зажав страницу пальцем, и отправился домой.

То был «Незнайка в Солнечном городе». За ним последовал «Незнайка на Луне», «Бибигон», «Волшебник изумрудного города», «Урфин Джюс»... Мама пыталась вытолкать меня на улицу поиграть, но папа заступался:

– У ребенка жажда знаний. Это святое.

Я помню солнечные пылинки в моей комнате, помню наш двор, так и манивший выйти поиграть. Помню, как я отворачивался от окна и утыкался в книгу, как будто что-то меня не пускало. Как будто я уже тогда начал искать свою Черную Книгу.

Страница осуществления

Я потянул Олега вглубь коридора, в сторону туалета – там удобные подоконники:

– Колись на счет раз – подслушивал?

Олежка наглый, но не со всеми. Чаще он, как бы, воспитанный. Но не со мной:

– Случайно мимо проходил. А тут внутренний голос как заорет: «Не проходи мимо!» – и не дал пройти мимо. – Быстро-быстро захлопал ресницами шпион.

– И что ты слышал?

– Ну, во-первых, Мефодий спятил...

– А во-вторых?

– А во-вторых... Ты принц, тебе все можно.

И как-то очень серьезно на меня смотрит. Вот всегда так – слишком серьезно он на меня смотрит. И с дерева прыгнул, потому что я сказал. Мне захотелось уйти куда-нибудь подальше.

– Эдя, ты только не сердись, пожалуйста! Я не это хотел сказать! Я хотел сказать, можно, я с тобой?

Интересно, как люди растут, а у них глаза не меняются. Потому что у Олежки глаза сейчас точно такие же, как были в детском саду.

– Ты о чем?

– Ну, мне внутренний голос сказал... – Олежка явно соображал, что бы такое мог ему сказать внутренний голос.

– Он тебе, наверное, сказал: «Учи, Олежка, физику, а то на второй год останешься!»; Я не удержался, взъерошил ему волосы на макушке.

– Не, я учу! А она не учится.

– Кто она?

– Физика. Я сначала честно наизусть выучивал, а Эльвира как чего-нибудь спросит – и опять двойка. Я потом понял, что все равно без толку.

Эльвира Михайловна – наша физичка. На мой взгляд, нормальная училка. Но к Подчебучину особый подход нужен.

Эльвира говорит:

– Я, Подчебучин, к тебе подхожу с разных сторон. Со стороны доски, со спины, справа, слева – но почему-то мои подходы не срабатывают. Я понимаю, что можно попробовать постучать твердым предметом сверху, но боюсь, что в этом случае шило, на котором ты сидишь, вызовет реакцию противодействия и ты лопнешь. Потому что внутри у тебя вакуум.

Тут я не согласен, насчет вакуума. Шило – да, есть. Но вакуума нет. Наоборот – у него буквенная непроницаемость. Пока руками не потрогает – ничего не поймет. Буквы только все осложняют. А если буквы не проходят, значит, им что-то мешает.

– Слушай, Олежка! А может, тебе чаю сладкого надо пить побольше? Я вот, когда чаю попью, лучше соображать начинаю.

– Я чаю пил. И кофе пил. И кока-колу. Только без толку – все равно в меня буквы не проталкиваются. Это потому, что у меня система нервная, мама говорит. А папа говорит, надо через пятую точку воздействовать. Но мама против и я тоже.

Я фыркнул и хлопнул Олега по плечу:

– Короче, давай свою «Физику»! – я зашарил у себя в сумке в поисках страничек. Мда. Что-то они быстро закончились. Ну, ничего. – Олежа, давай я тебе на корочке кое-что напишу...

Олежка достал из школьной сумки водяной пистолетик, пачку канцелярских кнопок, теннисный мячик и, наконец, учебник физики, который я тут же пристроил на подоконнике. И начал записывать страницу повинования на внутренней стороне обложки. Олег жонглировал теннисным мячиком у меня за спиной:

– Понимаешь, если натренировать левую руку, она будет как правая! А по некоторым показателям даже лучше. Когда дерутся, например, никто не ожидает, что слева прилетит, а тут – нна! – и лежит. Как Кори Сандерс, только еще лучше. Все же думают, что я правша, а я – нна!

Красная книга контроля

Что я тут делаю? Помогаю Олежке получить идеальный учебник физики? А ему оно надо? Да ему проще кросс пробежать на пять километров, чем прочесть параграф из учебника... Я прикрыл глаза и откинулся к стене, стараясь припомнить:

«Едино книжие сообщает, тех, кто не чаёт, обучает, осуществляет, овеществляет...»

Решительно выдернул готовую страницу повиновения и написал вместо нее другую – прямо на внутренней стороне обложки. Страницу осуществления.

Что такое «страница осуществления»? По-другому она называется «страница контроля» – не читатель контролирует текст, а текст захватывает читателя.

Мячик прилетел мне в затылок, рука дернулась, я обернулся, но Олежка уже исчез. Тот же. Я спокойно дописал страницу, пририсовал смешную рожицу, закрыл учебник и выглянул в коридор. Какая физика, когда ребенок в пятнашки хочет играть?

– Так, что-то у нас сегодня подозрительная тишина в классе... – Эльвира Михайловна обвела класс взглядом поверх очков; А где Подчечубчин?

И все уставились на меня. У меня же Олежкин портфель. Пришлось отвечать:

– Он в медпункт пошел. У него голова заболела.

– Врезался на полном скаку в косяк?

Олег такой, с ним всякое случается.

– Не знаю. Он мне не сказал.

Подчечубчин на уроках так и не появился. Я поплелся домой с двумя портфелями. Шел и крутил головой по сторонам. Люди на улицах спешили по своим делам, троллейбусы сновали по своим маршрутам, автобусы останавливались, где им положено, никто не нарушал порядок.

Дома я первым делом достал «физику» из Олежкиного портфеля. Открыл свою страничку, проверил все буковки – не нашел ни одной ошибки, только размашистая закорючка в конце, вдохновение от теннисного мячика.

Я перелистнул страницу, вторую...

«Из пункта „А“ в пункт „Б“ выехал какой-то чувак на тачке, со скоростью 60 км/ч. Через пять минут следом за ним на другой тачке выехал Олег Подчечубчин, с начальной скоростью 40 км/ч. Видя по радару, что догнать того чувака у него без шансов, Олег Подчечубчин врубил ракетные двигатели ускорения и догнал первого чувака через 15 минут. Спрашивается, с каким ускорением он гнал и на какой скорости проехал мимо чувака с победной улыбкой?»

«Над картофельным полем на высоте 1 км кружит самолет. Скорость самолета 465 км/ч. Пилот получает сообщение Гидрометцентра, что скорость ветра 12 м/сек. Пилот предупреждает парашютистов, что парашют следует раскрывать как можно позже, чтобы упасть прямо на поле. Олег Подчечубчин раскрывает парашют на высоте 980 метров. Спасательная команда в недоумении: на каком расстоянии от картофельного поля следует искать Олега?»

Нет, это конечно, последнее место, где я бы стал искать Олега – учебник физики... Я быстро прошерстил страницы, закрыл обложку – красную – и снова открыл разворот обложки в начале учебника. Разворот оказался пуст, ни моей записки, ни теннисной загогулины – ничего. Как новенький. Я поковырял ногтем корешок и места склейки страниц с обложкой – ничего. Я схватил учебник за красные корки и лихорадочно затряс.

...Но учебник раньше не был красным! Я вытащил свой учебник, положил рядом. Белая физика и красная. И где-то в красном учебнике застрял Олег. Я в который раз начал перелистывать красную «физику».

Откуда-то выпорхнула карточка с изображением «Феррари». Зазвенел телефон.

Я бросился с учебником в коридор, продолжая листать, схватил трубку:

– Расстояние от Земли до Луны 84 тысячи 400 километров! – в трубке бесновался Олежкин голос. – В скафандре Олега Подчечубчина имеется встроенный радиотелефон! С какой задержкой доходит его голос до земли, если взять скорость радиоволн равной

300 тысяч километров в секунду!? а также учесть, что Олег находится на обратной стороне Луны?! Диаметр Луны равен 3 тысячи 476 километров!

– Четыре секунды? – не задумываясь, выпалил я.

– Ответ неверный. – Щелчок, гудок. Олежка отключился.

Я замер.

Во-первых, такой юмор совсем не в его духе. Во-вторых... Олег физически не способен сам положить трубку. Я десять раз скажу «пока-пока», а он будет продолжать тарыхтеть, как ни в чем не бывало, пока я первый не отключусь.

Позвонил Олегу домой. Долгие гудки. Долгие гудки. Долгие гудки. Я накинул куртку и побежал к нему. Звонил-звонил в дверь, даже пнул несколько раз с досады. Заклацали замки на соседской двери, я поспешил смыться, чтоб не встречаться с соседкой.

Вернулся к себе. За дверью истошно заливался звоном телефон. Я рванул к нему, не закрыв двери.

– Диаметр Луны 3 тысячи 476 километров! Олег Подчечубчин находится в точке, диаметрально противоположной месту посадки Шаттла. Шаттл стартует обратно на Землю в 12 часов по Гринвичу. С какой скоростью должен бежать Олег, чтобы успеть на Шаттл до старта?

Я глянул на часы – 14:42. Округлим до 15:00. У Олега 21 час. Расстояние до Шаттла «Два пи-эр»... то есть, один пи-эр.

– Погоди, я включу калькулятор!

– Ответ неверный. – Щелчок, гудок. Олежка отключился.

Блин, я забыл разницу во времени с Гринвичем! У меня из подмышки вывалился учебник физики, раскрылся посередине. Я глянул название параграфа, перелистнул... Телефон зазвонил опять.

– Эдик, привет! Ты что делаешь? – Сырбачева, ее только мне не хватало.

– Физику решаю.

– А я в библиотеке новую книжку взяла...

– Ну, молодец. Мне телефон нужен, родители должны звонить.

– А, ну я сейчас приду! – Вика отключилась.

Черная книга предательства

Я осторожно положил трубку на телефон и сжал в руках Олежкин учебник физики. Красный, красный, красный – о, блин! (демон?) кто покрасил его? Что случилось с моим другом? Что за дурацкие звонки?

И я верю, что он действительно где-то на Луне, меряет секундами оставшийся воздух – и Шаттл вот-вот улетит с другой стороны Луны...

Как это случилось? Не знаю. Знаю, что Мефодий сказал правду – я чернокнижник и дела мои черны.

Я бросил «физику» на стол. Медленно повернулся к окну, продолжая уголком глаза следить за учебником. Почему? Я что, ждал, что книжка запрыгает по столу или взлетит на воздух? Или просто возьмет – и исчезнет, как будто ничего и не было? Не знаю.

Я высыпал на стол содержимое Олежкиного портфеля и прищурился, так, что контуры предметов стали размываться. День клонился к вечеру. Я прищурился еще сильнее – и вокруг предметов появился зеленоватый контур, аура. У всего есть своя аура, я про это читал. Вот только раньше не видел сам. Зеленый контур отчертил шторы и стол и все, что на нем. В окне над столом белый шарик солнца застрял в нижних ветках дерева. И вдруг я заметил, что не у всех книг контур зеленый. Контур учебника физики горел черным – и стал чернее, когда я на него посмотрел. И тут книга распахнулась. Зашуршала бумага, будто ветер подхватил...

над книгой взметнулось черное пламя. Я распахнул глаза. Пламя не исчезло. Оно тянулось вверх, пританцовывая, разгораясь, разрастаясь, вот-вот перепрыгнет на другие учебники.

Я рванул дверь на балкон, притащил из кухни спички и начал чиркать, поджигать страницы прямо на снегу за балконной дверью. Рвать учебник рука не поднималась – а вот жечь, – за милую душу! Учебник никак не разгорался. Я метался по комнатам, прислушивался к телефону, рвал какие-то билеты, найденные в карманах... конечно, этого оказалось мало. Вытряхнул свои тетрадки и начал рвать из них листы. Пламя, наконец, вспыхнуло и красный учебник физики с распростертыми страницами весело затрещал, расцвел лепестками настоящего пламени, чернея и рассыпаясь в пепел на глазах.

И тут снова зазвонил телефон.

– Эдик, это Олег! Я тут, я что хотел сказать... мой портфель у тебя?

– А ты где?

– Я... ну, я, в общем, в спортзале уснул нечаянно...

– Ты уверен?

– Что нечаянно?

– Что уснул...

– Эдя... а мой портфель?

– Заходи.

Я положил трубку и привалился к стене.

Потом отвалился от стены и включил на полную громкость «Войну миров» Джеффа Уэйна. О, как я скакал! Как я орал! Мама обязательно вспомнила бы наших с папой диких предков – поэтому я никогда при ней не буду скакать! Но сейчас!

Еле слышно пробубнил дверной звонок. Я распахнул дверь и кинулся обнимать Олега. Он таким меня никогда не видел.

И вот я кружу моего друга по комнате, с него шапка слетела, шарф на морду наехал – а я кружу и хохочу.

Олег постепенно начал оживать и подергиваться, пытаясь вырваться. И замер, уставившись в одну точку. Я проследил за его взглядом – в прихожей топталась Сырбачева.

– О, Вика! Какими судьбами?! Садитесь, я вам чай сделаю! – выпустил на свободу Подчебучку, сделал потише музыку и умчался в кухню, – настоящий шаманский чай с имбирем! Ууууу!

Когда я вернулся, неся поднос с чаем, печеньем и чем-положено, Олег играл с моей коллекцией значков, украшая ими себя, словно чешуей. Вика читала книжку. Олег приговаривал:

– Диаметр одного значка равен... двадцать миллиметров. Площадь одного значка равна... два пи-эр в квадрате... площадь Подчебучина равна... итого, для полной брони...

– Олег, а давай ты для разнообразия что-нибудь считаешь! – Я взял с полки «Крокодила Гену» и вырвал у Олега коробку со значками.

Он послушно раскрыл книгу и сел на пол, спиной к дивану.

Я подошел с подносом к Вике сбоку, заглянуть на обложку – черная. Черную книгу читала Вика.

– Что читаем? – я осторожно поставил поднос на стол.

Вика оторвалась от книги, посмотрела на меня прозрачным взглядом:

– Тут про литературоведение. Не думала, что тебя такие книжки интересуют.

– Ааа... где ты ее нашла?

Вика качнула головой в сторону балкона:

– Дверь распахнулась, балкон, оказывается, не заперт был. А там книжка. Грязненькая.

Но ничего, я ее почищу и подклею. А послезавтра верну.

– Извини, Сырбачева. Не получится вернуть.

Я стоял спокойно рядом, а тут резко схватил книгу и выдернул у Вики из рук.

– Ты чего? – у нее глаза распахнулись на пол-лица.

– Да ничего. Я ее сам еще не прочитал. А вообще, эта книжка моего деда. А он не терпит вмешательства посторонних в наши внутренние дела.

Олег забормотал:

– Апельсины являются основой экспорта Кампане... В одном ящике двадцать килограмм апельсинов... корабль из Кампане в Туапсе плывет девять суток... Пограничный контроль... Растаможка... как они Чебурашку пропустили? – Чебурашка спал. Тысяча тонн апельсинов разгружаются и грузятся в рефрижераторные вагоны... трое суток. Итого до Москвы шестнадцать суток минимум. А если вагонов нету? Восемнадцать. За сутки Чебурашка съедает... спит в уголке ящика... там бумажки... сколько же он какает?

– Ага! Вся компания в сборе.

Мы, все трое, обалдело уставились на входную дверь. Та была распахнута настежь, сквозняк пролетел по дому, вырвался за балконную дверь, вернулся с горстями снега и принялся издевательски закидывать нас. В проеме входной двери возвышался Мефодий Маркович собственной персоной.

– Когда впервые начали появляться черные книги, никому и в голову не приходило связать их с кострами святой инквизиции... А ведь именно предательство книг, сожжение порождает эту особую субстанцию, наделенную волей и желаниями. Отдайте мне книгу, Эдуард! В ваших руках – это зло в чистом виде.

Он шагнул в зал и протянул руку, чтобы вырвать у меня книгу. Жилы у него на запястье вздулись и я вдруг впервые подумал: «А ведь ему много лет». И отступил к окну.

– Наш век – время беспрецедентного предательства в отношении книг... их хранят в сараях, выбрасывают на помойки, жгут... из книг выпиливают безделушки – как из особой породы древесины! ... их не читают.

Мефодий подбирался ко мне, а я все отступал, кружа по комнате вокруг стола под музыку «Войны миров».

– Если бы не такие писатели, как Минор Ласточкин – мир уже давно погряз бы в пучине войн и пожаров... к счастью, его книги, сгорая, превращаются в простой пепел без капли черной горечи – так он служит делу спасения мира...

Я заметил какое-то движение и скосил глаз на Сырбачеву. Она держала на коленях какую-то книгу и быстро-быстро листала ее – одними кончиками пальцев.

– Отдай мне книгу, малыш... Я тысячу лет не сплю ночей, жду ученика... но тебе еще рано... – Мефодий покачулся, мягко оседая и удивленно глядя на Вику. Ключнул носом в ее сторону, запнувшись на ходу – и обрушился на пол, роняя журнальный столик и торшер. Зазвенели осколки хрусталя, запрыгали во все стороны.

Огромная фигура, распластавшись, заняла все свободное пространство в зале. Я перескочил через торшер, склонился над библиотекарем:

– Мефодий Маркович! Вам плохо?

Его глаза были закрыты, я нерешительно коснулся воротника пальто. Огромная ручища схватила мое запястье – какие у него огромные худые руки! – и Мефодий просипел:

– Эдуард, что... не трогай черную книгу... не... нельзя, но я... не успел... ты, надо читать, я...

– Что надо читать? Что с вами?

– Я сейчас... – и вдруг выдохнул горячим шепотом на одном дыхании: – Эдик, я кончился – время пришло. Я стал книгой. Читай меня, чтобы вернуть. Оживить. И ты – ты сам – не пользуйся! – ты чернокнижник, и я – но забудь все заклинания, иначе... Читай меня, пожалуйста! Мы одной крови!...

Его лицо потемнело, рука ослабела, соскользнула с моего запястья. Весь он как-то уплощился, сделался как будто картонным, потом карикатурно-картонным, шире и короче, – фигура начала меняться в пропорциях и уменьшаться в размерах. Ветер снова распахнул балкон.

Ощущение нереальное, как будто вдруг понимаешь, что спишь.

Мысли сбились в кучу и заскакали – и я вправду начал видеть сон.

Я ищу на полке книгу. Сбоку на соседнем стеллаже слышится шелест и падает книга на пол. Падает, превращается в женщину в голубом платье и уходит. Я продолжаю искать. Не найдя своей книги, я оборачиваюсь к столу, на котором, как водится в библиотеках, лежат стопки книг. Со стола соскальзывает одна из книжек, страницы распахиваются желтоватым облачком. Облачко вырастает в гриб, затем в сутулого человека в сером костюме. Человек разворачивается, скользнув по мне взглядом – и уходит. Я собираюсь уходить тоже. Оглядываю библиотеку в последний раз, в тщетной попытке уловить присутствие иголки в стоге сена. В дальнем углу под столами слышится шорох. Я наклоняюсь и вижу, как из норки в стене протискивается в комнату книга, попутно приобретая человеческие черты. Книга с женским лицом – глаза голубые... крыса с человеческим лицом... фигура распрямляется – это девушка. Она приближается, глядя мне прямо в глаза, обходит меня и распахивает дверь, чтобы исчезнуть в вечерней толпе.

Я развернулся лицом к библиотеке и увидел библиотекаря. Всклокоченные волосы, очки в медной оправе, засаленное черное платье... сутана. Он пристально смотрел на меня и, поймав мой взгляд, протянул мне руку. Не то улыбка, не то просто желание ободрить – что-то в его лице придало мне уверенности и я протянул руку в ответ. И очнулся.

И замер с протянутой рукой.

На полу лежал огромный старинный фолиант в темном кожаном переплете.

* * *

– Ой! Что случилось? – Сырбачева подняла со своих коленок и положила на стол Черную книгу. Точь-в-точь такую же, как та, что я недавно у нее отобрал.

– Аaaa! Он исчез! исчез! Аaaa! где он? – откуда-то из угла кубарем выкатился Олежка и заприседал, заглядываясь вокруг стола: – Ну где он?

Он подобрал с полу упавший фолиант, обсмотрел со всех сторон, запустил на стол, схватил из вазочки печенье, засунул в рот и снова заорал:

– Где он?! Что это?!

Во все стороны полетели крошки.

Вика недоуменно смотрела на него, шевеля губами. Я прислушался – она повторяла выкрики Подчебучина.

Я дернул ее за книгу. Черная книжка, казалось, приросла к Викиным рукам.

– Я сегодня взяла в библиотеке. Я тебе говорила.

– Ты что-то прочитала, от чего он исчез. Что?

Вика уставилась в книгу:

– Вот это: «Чернокнижие уб...»

– А... не надо! – я зажал ей рот ладонью. – Ты же не хочешь, чтобы я тоже исчез?

Вика вытаращилась на какую-то точку в стене:

– Ты что, думаешь, это я?! Ты думаешь, это из-за меня?! – она медленно повернулась ко мне: – Это все из-за меня.

Голос у Вики осел.

– Эх, Сырбачева... хоть ты и отличница, а дура-дурой. При чем тут ты? Ну прочитала что-то вслух, ну совпало это с чем-то, но ты же понятия не имела что так получится! Короче, я разберусь, не бойсь.

Сказал так, как будто сам в это поверил. Только почему-то мне казалось, что уже ничто не будет легко и просто. Я поднял с пола книгу и выпал в осадок. То есть, просто потерял все мысли, слова, всякое соображение – и даже время. Я не заметил, как мои друзья ушли. Я осторожно трогал книгу, будто боясь обжечься. Я буквально по миллиметру изучал обложку – кожа, без намека на буквы – ни автора, ни названия – как будто обложка у планшета. И пожелтевшая первая страница без намека на слова. И огромные буквы на третьей странице:

.....
 ~~~~~
 * * *

В замке повернулся ключ. Я положил книгу на столик и огляделся. Мои друзья убрали осколки вазы и вернули мебель на место.

– Пушкина читаешь? А руки мыл? – папа исчез в ванной, пожурчал, поскрипел, постучал, крикнул и снова возник в гостиной. В нашей семье много шума означает недовольство. Я закрыл книгу и увидел сходство с нашей вечерней Книгой.

— Папа... это не Пушкин.

Он приложил ладонь к моему лбу, открыл книгу и начал листать.

– Боже мой... какая древность... откуда?!

— Я нашел черную книгу.

Я начал рассказывать. И отец все понимал. Взрослые часто понимают больше, чем нам кажется. Когда я закончил свой рассказ, он положил узкую ладонь на книгу – по цвету почти не отличишь от переплета – и сказал книге:

— Вот мы и встретились. Здравствуй, Зенодот!

– ...Методий Маркович? – уточнил я.

— У великого чернокнижника бывает много имен.

— А Пушкин?

– А Пушкин слишком торопился – ему надо было вытаскивать прадеда, держать время.

Но он сам, русский мальчик Саша Пушкин, оказался слишком большим узелком на ткани мироздания... слишком много энергии, слишком много мысли, слишком много страсти.

— А я?

– А от тебя я не ожидал. Мне бы и в голову не пришло, что Зенодот может жить на соседней улице. Ты об него обжегся – и сам загорелся.

— А ты??!

– А я когда-то очень мечтал быть русским мальчиком и жить в Москве, как Пушкин. – Сверкнули в улыбке зубы: – Такая у нас семья, мой мальчик – всего добиваемся. Надо только знать, чего хочешь.

У меня было ощущение, будто я падаю с Луны – валюсь в трубу стремительно и не за что зацепиться – а внизу на Земле мягкая соломка подстелена.

Когда-то мой папка катал меня из комнаты в комнату, умел ржать и игогокать как никакой другой папка в мире. Он читал мне сказки голосами Прекрасных Василис и Бессмертных Кашеев – и радовался, когда я начал читать сам. Он собирался на лыжную базу или на дачу и спрашивал меня, что я буду читать. Он тыкал вилкой в пустую тарелку и читал вслух сказки Шефнера. И мы с мамой ухахатывались над сказками и подкладывали папе котлету. Но я вырос, а папка не изменился. Он даже не заметил, как стал черным. Даже не вспомнил, что был белым. Он остался в детстве – так я думал.

И вот со мной рядом оказался мудрый друг, который все видит, все замечает – и улыбается мне все той же улыбкой из моего детства, лукавой и понимающей.

Я вздохнул:

— Сколько раз нужно прочитать Книгу, чтоб Мефодий ожил?

Татьяна Тихонова «Эра моего одинокчества, или Эклеры»

Отпуск у меня в этом году выдался на самые новогодние праздники. Жаль, конечно. Люблю лето, когда солнца много. Встанешь утром на даче – тишина нереальная, и начинаешь для себя ерунду всякую отмечать: роса вот на розах, клубника там, в зарослях травы, проглядывает, зацвела, сумела, птицы, будто с тобой одним, разговаривают, на веранде солнце жарит, а в доме прохлада еще ночная. И думается, и работается по-другому, странное это дело.

Тут же целую неделю холод лютый стоит. Прохожие, закутанные в шарфы и шубы, торопливо скрипят в клубах пара и автомобильного смога мимо. И счастье твоё, если в ЖЭУ работают добрые люди, – дома тебя ожидает тепло. Тогда, оттаяв у телевизора в пледе и тапках, за большой чашкой чая с утонувшим кружком лимона и с мурлыкающей Матильдой на коленях, ты понемногу начинаешь вспоминать, что и в зимних днях есть свое очарование.

Но провести две недели вот так, не выбираясь из пледа и не отползая от ноутбука, я посчитал слишком простым решением. И уже к вечеру следующего дня, когда скучающе смотрел на застывший мир в амбразуру кухонного окна, я очень осторожно подумал: «Что, если... натянуть на себя все, что есть теплого в доме, да, даже тот колючий свитер, который лежит еще с тех времен, когда верблюжья шерсть была самой, что ни на есть верблюжьей... если достать валенки, не нынешние, а те, в которых колени совсем не гнутся. Что, если тебе повезет, и переполненный кабачок маршрутки не пронесется мимо, словно ты предмет неодушевленный, и ты успеешь на электричку и не окочуриться, пока она дотрусит тебя до станции „352 км“... Если после всего этого тебе удастся через сугробы доползти, добрести, добраться до лопаты в сарае и откопать дверь дома... То – ура! И Новый год ты встретишь на своей любимой даче. Две недели твои. Снег, метель, застывшая вода в колонке, вечером красный диск солнца в оледеневшем окне и потрескивающие дрова в печи... и тишина. Мечта идиота, у которого текст застрял намертво на пятой главе».

Эта мысль засела в меня основательно, и уже на следующий день, за полчаса до отправления электрички, я в предвкушении остановился перед прилавком в привокзальных «Деликатесах». А как же! Коньячок, балычок, сервелат, вон те эклеры, и эти трюфели, кофе и чай, мандарины... А это сало с прослойками мяса... Как приеду, выброшу на мороз, а первого утром, когда на деликатесы глаза уже не глядят!..

В итоге, на электричку я чуть не опоздал. Но, скукожившись замороженной креветкой на холодном сиденье в полупустом вагоне, стылом как рефрижератор, я через два часа, все-таки счастливый, добрался до своей станции. Дошкандыбал за десять минут, там, где я по лету иду все двадцать, до калитки. Закуржавел как дед Мороз.

Прокопал дорожку до двери только к пяти часам вечера, ура – свет в доме был. И уже часов в семь, сидя в тулупе возле разошедшейся, наконец, печки, я налил себе чаю. Сало пошло с черным хлебом за милую душу, не дождавшись первого числа. И, разомлев, я счастливо стал строить планы на завтра.

С утра очищу дорожку к колонке и к сортиру, потом поработаю со своей любовной горе-повестью и к вечеру прогуляюсь до Михалыча на другой конец поселка. Старик всегда живет здесь и зимой, и летом. Чудной старик, шепутной и шумный. И страшно одинокий. Поэтому и захожу к нему, а больше некому. Вот проведу его, а там, может быть, и Калинины подъедут, соседи справа. С ними проводим старый год, а потом и новый встретим.

Калинины – хохотушка Светлана, преподает что-то там по филологии, и Евгений, врач-стоматолог. Честно говоря, не стой бы дачи рядом, никогда бы не познакомился с ними. Я человек обычный, склонный больше к одиночеству, чем к шумным обществам. Дача у меня

родительская, машина и «однушка», оставшаяся от семейной жизни, довольно счастливой, но потом оказалось, что так думалось только мне.

Света и Женя как-то ненавязчиво втянули меня в круг своих друзей, перезнакомили со всеми. Я, однако, не любитель шумных обществ и захаживал к ним, когда Женя приезжал один или со Светой. Они тогда кричали мне через забор или бросали камушки на веранду. Дорожки у них посыпаны мелкой галькой. Ну, я и приходил к ним со своими запасами, или они ко мне.

Вообще, я очень привязываюсь к привычному. Потом долго и болезненно отвыкаю. Потом понял это и незаметно стал ограждать себя от этих кажущихся ненужными «болей». А вот к Калининым привык. Да. И теперь ждал их.

На следующий день, тридцать первого декабря, я встал рано. Широкой деревянной лопатой долго чистил дорожки, вдохновенно наворотил целые сугробы по бокам тропинок. Снег слежался и стал плотным. Легко резался и рассыпался в морозном воздухе. А я махал и махал лопатой в каком-то сельскохозяйственном экстазе. Так бывало, встанешь на лыжи и прешься, наматывая километры в морозный день, а потом, когда ни рукой, ни ногой, как говорится, думаешь, что ж ты, как баран, нет, чтобы в меру. Добравшись так до забора, я обрадовался. Машина Женькина стояла у крыльца соседского дома.

Слепил снежок и бросил в стекло веранды. Безуспешно. Слабоватый снежок получился, холодно потому что. И я прикинул, сколько осталось мне работы. До бани бы добраться и затопить. А там, можно и отдыхать.

Но вот уже я прокопался до бани, натаскал воды и дров. Затопил баню. И все поглядывал на дом соседей. А Женька не появлялся. Так бывало. И это могло означать, что он приехал не один.

Дача к этому времени прогрелась настолько, что я, придя с улицы, почувствовал себя, что называется «дома». Это, когда можно раздеться до боса и не торопиться, покрывшись мурашками, нырнуть в другую одежду или под одеяло. Когда пахнет жилым духом, потрескивают дрова в печи, закипает чайник, тихо бубнит никому ненужный телевизор. К телевизору на даче каждый относится по-разному. А мне он нужен, если я вот так подолгу один. Было время, когда я полностью отказался от него. Но, поймав себя на том, что однажды начал разговаривать сам собой, я подумал вдруг, что слишком далеко ушел вовнутрь, а потом подумал, что вряд ли я этого хотел, на самом деле, в такой степени. А чего я хотел?..

Сварив себе большую кружку кофе на печке, оттянув ее на край «на чуть-чуть», я обжегся и, сунув палец в рот, забрался в холодильник к эклерам и сервелату, опять подумав: «А чего я, собственно, хотел? Да, вооот, чего я хотел. С самого утра, причем. Говорила тебе мама, не ковыряйся долго в носу, сынок, больно будет. Все очень просто на самом деле. Кофе. Много кофе. Кружки сервелата на толстом ломте хлеба. Много кружков сервелата. Эклер. Нет, два эклера. Идите ко мне, маааленькие»...

– Здравствуйте! Извините, у вас открыто.

Будто ушат ледяной воды жахнули на голову.

Голос, мало сказать, испугал меня. Он меня буквально пригвоздил к холодильнику. В этой глуши, куда после пяти вечера ни одна приличная электричка не пойдет, и не поедет ни один уважающий себя водитель, услышать незнакомый голос, когда уже дело к ночи...

Я медленно выпрямился.

Существо, закутавшее нос в какой-то невообразимо витиеватый шарф, в спортивном комбинезоне и тапках на белые носочки стояло на пороге.

– Ума не приложу, откуда вы здесь взялись? – растерянно пожал плечами я.

Стоял я босиком, в трусах и теплой вельветовой рубаше с расстегнутыми манжетами, той самой, с полки в шкафу, где лежит то, что когда-нибудь обязательно пригодится. Нда. Вот и пригодилось. Поэтому холодильник я не закрыл и стоял за дверцей, как за щитом, благо у «Бирюсы» дверка не так огромна, как у современных монстров.

– От соседей. Спички у вас есть? Одолжите, пожалуйста, – существо с малиновым от холода носом длинно шмыгнуло.

Нельзя было не заметить, что, начав оттаивать, она становилась очень даже прехорошенькой. Но знаю я эти хитрости... И кофе, гад, стынет!

«На жалость давит, – раздраженно думал я, – да, что мне спичек жалко, что ли?!»

– Вон там большой коробок, – кивнул я на этажерку для обуви, которая на самом деле использовалась для чего угодно, только не для обуви.

Девушка громко чихнула и, вдруг поскользнувшись в своих тапках, рухнула на пол.

– Ну, что же вы, в самом деле! – рывкнул я, бросившись к ней. – В этих тапках!

Тапки ее, покрывшись ледяной коркой, страшно скользили. Кое-как поднявшись, она виновато на меня посмотрела грустными глазами. И взяла спички.

– Извините, я помешала вам.

– Нет, ничего страшного.

– Извините, пожалуйста. Я верну спички.

– Ничего, ничего. Пожалуйста, берите.

Тут только до меня стало доходить, что я стою уже не за дверцей холодильника, а как есть, во всей, так сказать, красе, и раскланиваюсь. Боже, какой идиот. Я шумно выдохнул.

– Идиотское положение, если вы понимаете, о чем я.

– Кажется, понимаю.

– Я должен одеться.

– Да, конечно.

«Хотя, если вы уже уходите, то мне незачем и одеваться, глупейшее положение. Зачем я пошел одеваться?!» – поплелся я уныло в спальню.

Когда, натянув штаны, вышел, гостя, обхватив красными, замерзшими пальцами кружку, пила мой кофе. Мокрые тапки ее ровненько стояли у порога, а сама она в своих тонких белых носках стояла возле ведра с углем.

– Не смогла устоять, – улыбнулась она, – у нас печка никак не растапливается, дымит, холод в доме, а у вас как в раю.

Остановившись в дверном проеме, я разглядывал ее. «Да, славная. Волосы не чесаны, нос красный, сама посиневшая, а смотреть на нее все равно хочется». Почему-то вспомнилась собственная отложенная повесть. Как оттуда пришла гостя.

– Пейте. Давайте, я вам еще сварю, горячего, этот уже остыл. Сам я люблю на печке варить, совсем другой кофе получается, знаете ли, – рассмеялся я, дико удивляясь своей словоохотливости, – у меня еще и эклеры есть, – поделился я сокровенным.

Она вздохнула.

– Нет, надо возвращаться, там меня ждут.

– А где вы остановились? – любопытствовал я.

И опять подивился себе: «Когда ты в последний раз любопытствовал?». Тридцать пять лет, уж, можно сказать, закоренелый, устоявшийся холостяк, флегма, а тут вдруг, краем глаза увидев себя в зеркале над умывальником, отметил некую придирчивость по отношению к собственной физиономии.

– У Калининских, – этот короткий ответ привел меня в замешательство, вроде бы всех друзей Женьки и Светы я знал наперечет, значит, она в паре с кем-то, и я почуял, как пружинящий придурочный бодрячок меня стал отпускать, и я занялся чайником, а гостя продол-

жала, поворачиваясь вслед за мной с кружкой: – Они нас забросили сюда, а Женя с Филей на нашей машине поехали в город за продуктами и за Светой.

Значит, Филя. Филя... Филимон... Или Филипп... Филипп, который прилип.

– Филя – это мой брат, Егор.

«Да-а?! Да это просто прелесть какая-то», – повернулся я к ней, включив чайник.

– У Жентя ведь камин электрический. А почему Филя-то, если Егор?

Чувствовалось, что она согревается понемногу. Слабый намек на румянец появился на щеках, губы, припухлые, обветренные порозовели... оживает. Скрестив руки на груди, я с удовольствием разглядывал ее. Она отвела взгляд, засмутившись. С ума сойти – неужели такое возможно? Это же не модно.

– Камин у Калининных сломался. Ну, я пойду. А Филя, потому что Филипповы мы.

– Да-а? – протянул я и спохватился. – Может быть, вам помочь печь растопить?

Услышал, как прошелестели шины по дорожке к соседнему дому. Посмотрев в окно, я увидел, что из машины шумно принялись выгружаться Евгений со Светой. И сказал:

– Евгений, собственной персоной.

Вот тут прошло какое-то небольшое мгновение, которое дало мне почву под зыбкую надежду, что мое предложение будет принято теперь, когда приехал хозяин, уж Жентяй-то растопит собственную печку. И я опять настырно предложил:

– Может быть, теперь по эклеру?

В тишине щелкнул отключившийся чайник. Она рассмеялась:

– Теперь, пожалуй, я со спичками там никому не нужна! А эклеры я люблю...

Оказалось, ее зовут Дашей. Никогда не любил это имя. Даша – хорошо, а вот Дарья меня как-то озадачивало. А теперь люблю. И, кажется, что по-другому и быть не может. Новый Год тогда мы встретили вдвоем. Женя и Света, Егор и Ирина, подруга Егора, все они сновали из дома в дом всю ночь очень увлеченно, расстреливали боеприпасы, грозились утром, первого, отправиться покорять лыжную вокруг поселка. Потом все стихло. Лыжники уснули.

И к утру этой безумной ночи повалил снег. В шесть утра я поставил чайник. Даша собиралась на вторую электричку. Я смотрел в окно на крупные хлопья. И думал: «Работать первого января – это такой маленький человеческий подвиг... Вот идет снег. Я очень люблю, когда я на даче и идет снег. И мне не нужно ехать в город. У меня отпуск. У меня пятая глава, которая отчего-то стала явью. Но я сегодня уеду домой... Странно. Но мне не хочется здесь оставаться одному».

И мы уехали. 352-ой километр удалялся от нас в прямоугольнике окна стучавшей знобко по рельсам электрички. Мела метель. До города каких-то два часа...

Борис Богданов «Сергеев. Серегин»

От автора:

Любые совпадения случайны.

Сергеева одолел зуд. «Ты должен остаться в вечности, – чудился ему чей-то голос, – ты должен написать книгу» – «Я просто любитель», – сопротивлялся Сергеев, но голос ныл, тревожил, уговаривал. «Я напишу книгу, – понял Сергеев, – великую, мудрую, божественную Книгу».

Сергеев продал квартиру в столице и переехал в деревню. Денег, подсчитал он, должно хватить лет на десять. Продукты, дрова, спутниковый интернет, бензин плюс непредвиденное. Вполне, вполне достаточно!

Машина медленно ползла весенним проселком. Образы ворочались в голове, рождали удивительные слова, от которых замирало в груди. Словам не терпелось, они рвались наружу. Сергеев с трудом держался, чтобы не прибавить газу.

Покосившаяся изба встретила перегоревшими лампочками и запахом запустения. Электричество – о чудо! – было, а лампы Сергеев захватил с собой. Скорее, скорее, невозможно ждать более! Сергеев смахнул застарелую пыль со стола, подключил ноутбук и создал новый, пустой документ. Его будущая книга... Как он назовет ее? Неважно. Имя придет потом, когда слова заживут своей, отдельной жизнью.

Сергеев коснулся клавиатуры, и мир исчез. Остались не распакованными чемоданы, покачивался от сквозняка полотняный абажур с пустым патроном, звенели комары.

Свирепый ветер вдохновения надувал паруса фантазии. Иногда прямо по курсу бурлили водовороты вокруг рифов штампованных образов, и тогда у Сергеева начинало болеть сердце. Он закуривал и возвращался на строчку или две назад, лихорадочно правил, и боль отступала. К ночи папиросная пачка опустела, и родилась первая глава. За ней вторая и третья. Сергеев не замечал ни ломоты в спине, ни боли в отбитых пальцах. Только к утру его отпустило. Утихли злые пульсы за висками, и Сергеев уснул за столом.

Побежали дни. Сергеев изредка покидал избу, покупал продукты и курево. Он осунулся, оброс клочковатой, рыжей с проседью бородой, пропах потом и табаком. Деревенские брезгливо расступались, пропуская его к автолавке.

Сергеев не замечал. Все мысли его занял роман. Он рос, как горная страна, в высоту и вширь. Огромный мир вставал за скупыми описаниями событий. Люди рождались, росли, влюблялись, совершали поступки и Поступки, болели и умирали. За наводнениями следовали ураганы, войны сменялись эпидемиями, засухи – суровыми зимами, когда полноводные реки промерзают до дна. С миром происходило необъяснимое и страшное. В бессилиии опускали руки правители и вельможи, ломали в бесполезных раздумьях головы мудрецы, тщетно молили богов о снисхождении монахи в тайных скитах. В бедствиях угадывалась злая воля. Будто перебирал нити стихий чудовищный кукловод. Ироничный, холодный экспериментатор возле муравьиной кучи.

Потом возник герой. Рыцарь из окраинного королевства, обремененный любовью и долгами. Молодой вояка – из тех, все имущество которых состоит из коня, меча и плащечка прекрасной дамы. Он собрал ватагу сорвиголов и отправился на поиски славы. Начали, как водится, с грабежей: трясли купеческие караваны, чистили небольшие городки, не гнушались и монастырями. Ватага росла, в нее вливались новые лихие люди. Страна стонала от новой напасти.

Однажды, обнимая маркитантку, герой понял, что забыл лицо дамы сердца. Это его удивило. Почему так вышло, что с ним случилось? Разве славы удачливого разбойника он хотел? Неужели только ради вина и покорных девок покинул отчий дом? Он осознал, что позади – только кровь и дым пожарищ! И ужаснулся. Началось его нравственное возрождение. Он бросил войско и бежал прочь. Схимник в безводной пустыне открыл ему правду. Причина бед – древний бог, обитающий на окраине мира. Он пьет эманации страданий, отчего сила его растет, умножая людские беды. И так по кругу, пока человеческому роду не придет конец.

Убить бога – вот цель жизни! – решил герой.

Вот кульминация романа, понял Сергеев, и его достойное завершение.

Последние главы заполняли дисковые сектора. Голос, что позвал Сергеева в дорогу, не умолкал ни на минуту. Иногда казалось, что это он, голос, управляет пальцами, что это он подсказывает повороты сюжета, и даже метафоры – дело его бесплотных, невидимых рук. В бреду, в горячке, забывая есть и даже курить, дописывал Сергеев свое произведение. Лишь с финалом вышла заминка...

Тускло светились вершины гор в сиянии Луны. На плоском плато стоял Герой. Губы его были сомкнуты, в глазах читалась решимость завершить работу здесь и сейчас. Последнее усилие, и враг уничтожен. Бог ослабел, потерял тонкие астральные тела и вывалился в тварный мир. Напротив Героя – жуткий монстр, кошмар пожирателя мухоморов. Мешок таракана, вывернутый наизнанку коровий желудок, куча гниющих спрутов... Не подобрать названия, нет в человеческих языках подходящих слов. Злой бог смердел.

«Убей его, – подначивал голос, – и Герой станет властелином мира. Просветленным, мудрым государем, перед которым склонятся страны и народы!». Убить бога... Простое решение, и как удачно оно совпадает с первоначальным замыслом! Убить – и занять его место. «...И самому стать драконом, – вспомнил Сергеев. – Нет, этого не будет. Я слишком люблю своего героя, чтобы пожелать ему такую судьбу». Он победит, в этом нет сомнения, но ценою станет жизнь! Тогда он останется в песнях и легендах. «Никто не узнает», – шепнул голос. «Какие мелочи!» – отмахнулся Сергеев.

Голос скептически хмыкнул... и исчез. Сергеев почувствовал себя странно. Словно долго спал под толстым ватным матрасом, как когда-то, в армии. Да – тяжело, да – пыльно, но тепло и уютно! Мгновение, и матраса нет, теперь можно дышать полной грудью, но холодно и солнце режет глаза.

Возможно, Сергеев просто невыносимо устал, но никогда прежде слова не рождались в таких муках! Они не ложились в строку, они сопротивлялись, они прятались за другими, стертыми и тусклыми. За час возник абзац, натужный, вялый. Ублюдочный.

Надо отдохнуть, понял Сергеев. Финал куда не денется, а пока... боже! Во что он превратился?

В почерневшем зеркале отражался обычный бомж. Грязный, всклоченный, с мутными, загноившимися глазами. Сергеев принялся, и его чуть не стошнило: несло, как от помойки в жаркий день. Нестерпимо чесалась кожа, казалось, под грязной рубахой кто-то ползает.

Сутки Сергеев посвятил чистоте. Он натопил баню и несколько часов отмокал, а потом отмывался в трех водах. Тело покрывали фурункулы и струпья, и Сергеев извел всю водку и пластырь. Он сжег тряпье, в которое превратилась одежда. Он вымыл и выскоблил дом, а потом снова помылся. И прочая, и прочая, и прочая...

Финал Сергеев добил позже. Пришлось поработать, и не было привычной легкости в мыслях. Зато он чувствовал себя человеком. Чертовски приятно, проходя по деревне, видеть, как светлеют лица людей! Сергеев нарочно потратил пару часов – персонально раскланяться с каждым, показаться в цивильном виде.

Он не стал задумываться о названии. «Герой», как же еще? С первыми заморозками роман ушел в издательство. В первое попавшееся, наобум.

«Второй тираж ушел в печать, – писал редактор, – Но подумайте об изменении концовки. Возможно, не стоит убивать героя? Он так понравился читателям! И они требуют продолжения...»

На месте хибары Сергеев поставил скромный, но особнячок. С балясинами и наличниками. Вечерами Сергеев останавливался возле книжного шкафа и нежно гладил корешки. Один корешок, повторенный десятки раз. Авторские экземпляры... «Хорошие вы мои!» – шептал Сергеев. Его друзья, его собеседники, воплощение его мечты. Он мог часами перечитывать роман, начав с любого места. Читал и поражался... Как? Откуда взялись эти легкость и глубина? Легкость слога и глубина мысли. Это он, действительно, он. Но как?

Два дня в неделю Сергеев проводил в столице. Творческие вечера шли один за другим. Восторг новизны утихал, сменялся тихой обидой, ведь каждая встреча заканчивалась вопросом: «Когда ждать продолжения?». Поначалу Сергеев обстоятельно объяснял причины, по которым не собирается этого делать, потом отделялся односложным «нет». Как же они не понимают? – удивлялся Сергеев. Герой исчерпал себя, исполнил предначертанное. К чему оживлять покойника, трясти старые кости?

Сергеев замыслил реалистический роман о судьбах современного села. Комбайнер, герой труда, доживает свои дни в заброшенной деревне. Жена давно умерла, дети позабыли. Досуг он проводит за чтением старых газет. Вдруг...

Позвонил издатель.

«Возможна экранизация! – кричал он в трубку. – Джексону не снилось! Большой продюсер, хорошие деньги!.. Но продолжение, непременно продолжение!» – «Но я начал другую вещь...» – «Отложите! С вашим слогом, с вашей скоростью!..»

Что он теряет, задумался Сергеев. Полгода – год, пока напишет еще один роман. Тем временем идея вылежится, обретет нужную форму. Да и деньги не помешают.

«Согласен», – ответил он.

«Ага», – проснулся подзабытый голос и хихикнул.

Нет, Сергеев не хотел повторения прошлого позора, не хотел презрения местных жителей. Он забил холодильник продуктами, завалил консервами погреб. Теперь его никто не потревожит.

Клавиатура манила, тянула.

Герой очнулся на рассвете, оглядел поле недавней битвы. На разбитые камни плато лег свежий снег, укрыл пятна крови и ошметки внутренностей невинным белым покрывалом. Внизу, на склоне Двурогой, паслось стадо ледяных быков. Герой усмехнулся и стал спускаться к перевалу. Очень хотелось есть.

Спать Сергеев лег далеко за полночь. Его знобило, поднялась температура. Страшно чесались бока, Сергеев с трудом сдерживался, чтобы не разодрать их до мяса. В борьбе пришел рваный, горячечный сон. Сквозь бред Сергеев чувствовал, как ползают по телу невидимые миноги. От скользких прикосновений было то ли тошно, то ли приятно. Сергеев представлял себя толстым, бесконечным удавом. Он струился по шершавой дорожке. Песок сладостно скрипел под упругими боками, мелкие камешки щекотали кожу. Блеснул в лунном

свете антрацит воды, и Сергеев нырнул. Без звука, без всплеска, в холодную уютную глубину. Когда внутренний жар утих, Сергеев рванул наружу. Голод гнал его, того, кем был сейчас Сергеев. В ноздри проник запах живого существа, сладкий дух плоти и горячей крови.

Утром Сергеев встал бодрый и веселый. От вчерашней лихорадки не осталось следа. Вот только сбитая постель пестрела бурыми пятнами. Неужели не выдержал?

Рассматривая в зеркале измазанное кровью лицо – почему именно оно? – Сергеев не сразу заметил, что... Что?! Немного ниже подмышек из боков выросли две новые руки, длинные, мускулистые, покрытые нежной молодой кожей.

«А?...» – задумался Сергеев. – «Хорошо же», – сказал голос.

Руки слушались, как родные. И точно, хорошо. Как раньше он обходился всего двумя? Скорее к ноутбуку!

«Люська! Где тебя носит, негодница рогатая!» – кликала за окном старуха-соседка козу. Сергеев загнулся. Из-под кровати выглядывала обглоданная нога с раздвоенным копытцем. «Это я ее, да?» – вяло удивился Сергеев. – «Ерунда, не бери в голову», – отозвалось в голове.

С двумя парами рук дело пошло куда как быстрее. Текст, струившийся ранее ручейком, полился речкой. Уже недели через три Сергеев закончил «Героя против пиратов». Идеи роились в мозгу, причудливо смешивались и без помех выплескивались на винчестер. На свет последовательно явились «Герой и щит императора», «Герой и леса Капа-Ламуры», «Герой и зрачок Зунги», «Герой и сорок наложниц мудреца».

Народ покупал и требовал еще. Тиражи росли, издатель потирал руки. «Наложниц» выпустили в подарочном оформлении; в комплекте шел снятый «Пентхаусом» видеофильм. Совет по культуре подал на издательство в суд за садизм и смакование перверсий. Скандальный процесс закончился ничем, но поднял продажи втрое.

Сергеев ничего этого не знал. Его переполняло счастье. Время разделилось на две части. Днем Сергеев творил, воспарял в горние выси, направлял властителей мирских и духовных. Ночи радовали животными страстями. Он выслеживал и загонял жертву, пил последний вздох жизни, а после пировал. Когда он был сыт, то скитался по окрестным лесам чудовищным хайдом или восторженно выл на Луну.

С книгами множились конечности. Сергеев распух, стал похож на... Сразу и не понять, на что именно. Но кому интересны отражения в зеркале? Не о чем беспокоиться.

Деревня замерла в тревоге. Бабки судачили про вурдалака, живые пока цепные псы вечерами плакали, как кутята, и просились в дома. Мужики обсуждали невиданные следы, грешили на волков и мечтали об облаве, только какая облава, когда их осталось полтора человека – тех, кто может держать ружье! Слухи, один другого невероятнее, ползли по округе.

Зашевелились аномальщики. Махайрод добрался до наших мест, говорили одни. Нет, отвечали другие, исконно русского зверя, пещерного медведя, выгнала из чащоб дурная экология. Сошлись в одном: нас посетил гость из плейстоцена! И сорвались в экспедицию; записать на видео, а лучше – отловить, чтобы посрамить академических скептиков.

Обвешанные аппаратурой, они углубились в лес на закате. Вышел один. Невменяемый, прижимающий к груди камеру для ночной съемки. Его подобрал дальнобойщик, глянул, интереса ради, записи, и опытного, тертого жизнью мужика проняло до тошноты. Водила влил в глотку спасенного стакан водки, только бы закрылись мертвые от ужаса глаза, и придавил педаль. В столице, не заезжая на терминал, сдал найденыша знакомому из ФСБ. Пусть разбираются, на то и безопасники!

Сергеев дописал последний абзац, сохранился и вошел в почту. Новейший роман «Герой и дураки» отправился проторенным путем. Стемнело, и зверь – или бог? – внутри темнил сознание, прибирал власть над телом. Пора на охоту, за парным мясом.

Добыча сама пришла в его логово. Она сопротивлялась, плевала огнем и жалила. Глупыши, так даже смешнее!

Изумрудная клякса металась в окуляре ноктовизора. Погасли всполохи выстрелов. Взвод осназа остался лежать у двери и окон мертвыми, остывающими грудями. Лучшие парни погибли за секунды, майор не успел скомандовать отход. Он сглотнул, крепко зажмурился и махнул рукой.

Две гранаты из подствольника встретили тварь в прыжке.

Серегин проснулся, как от толчка. Ночь глядела в окно желтыми бельмами фонарей. «Зачем я живу? – подумал Серегин. – Что останется от меня после смерти? Пустота?» «Напиши книгу, – произнес в сознании чей-то голос. – Великую, мудрую, божественную Книгу!» – «Да».

Тьма ласково улыбнулась.

Сергей Игнатьев «Девочка с ароматом полыни»

Милый С., мой мальчик с фисташковыми глазами и пепельной душой, сегодня вечером мне так не хватает тебя! Я скучаю. Знаю, ты не поверил бы, скажи я это вслух, тебе в глаза. Ты привык считать меня бездушной стервой, беспощадной сукой. Хищной пумой, разрывающей когтями твое дурацкое большое сердце.

Милый мой глупышка С., ты так часто говоришь, что я погубила тебя. Попрекаешь меня тем, что я играю тобой, как куклой, клетчатым дурачком в колпачке с колокольчиками. Ты говоришь, я свожу тебя с ума. Ты говоришь, я превратила твою жизнь в ад.

Все это правда, мой хороший.

Скажи, что любишь меня, говори снова и снова! Мне так важно слышать это. Быть в твоей жизни, быть частью тебя. Мы дополняем друг друга, как луна и туман, как хрупкие кости и замшелый склеп, как уродливая личина противогазной маски и зазубренный траншейный нож, как шансонетки в кружевных подвязках и карлик-конферансье с цилиндром на рыжих вихрах. Мы связаны неразрывно, счастье мое, мой мнительный издерганный меланхолик!

Ты не представляешь, каково это – ждать тебя весь вечер в твоей выстуженной обшарпанной мансарде, совсем одной. Слушать, как рваными синкопами сквозь прореху в крыше дождевые капли стучат в жестяной таз. Как шуршат опадающие кленовые листья, с ветром скользя в фокстроте по подернутому дождем оконному стеклу.

Я жду тебя...

Ты придешь, усталый и мрачный, прикурив от обесцененной инфляцией десяти тысячной банкноты, ей же растопишь дрова в подернутой ржавчиной печке, труба которой артритным суставом выгибается в окно, навстречу дождливому небу. Будешь, не снимая пальто, сидеть у огня, приходя в себя, отдыхая после этого длинного-длинного серого-серого дня. Освещенный пляшущими бликами, будешь чистить маленькие желтые апельсины, кидать в угли длинные лепестки кожуры. Будешь поить меня апельсиновым соком, сжимая мякоть сильной рукой, улыбаясь и облизывая липкие пальцы, а я буду послушно и жадно ловить приторные, с кислинкой, капли...

Где тебя носит, мой мальчик? Совсем один в этом сумрачном неприятном городишке. Чем ты занят? Засиделся допоздна в конторе, придумывая очередную рекламную чепуху для этого синеносого старикашки Кутхеля, мнящего себя великим дельцом? Или опять в баре с пьяницей Генрихом, художником-неудачником, с которым у вас так много общего? Работает в ателье, и главная мечта – найти богатую невесту и пристроить все эти запылившиеся холсты. Теперь у тебя остался только он. Ивен, так и не получив архитектурных заказов, завербовался в Иностранный легион, а Эл, не окончив курса, уехал фельдшером в медвежий угол, которого и на карте не найти. Помнишь, как вы подрабатывали массовой в театре? Как пытались открыть свою автомастерскую? А как сидели вдвоем вокруг разрисованной звездами тумбы, уставленной бутылками, за кулисами цирка, где Эл с Ивеном провели целых три месяца, в паре, попеременно, изображая рыжего и белого клоунов? Пахло опилками и навозом, сеном и сахарной ватой, и слон за стеной неодобрительно трубил вам, пеня на громкий смех и излишне крепкие словечки. Славное было времечко, да? Мы только познакомились с тобой, в том подвале у вокзала, где патефон, шипя и подвывая, наигрывал аргентинское танго, и сквозь табачное марево доносился стук бильярдных шаров. Мы оба оказались там случайно. Ты сидел в углу, потерянный и одинокий, мрачно курил, уставясь за спину престарелого бармена в полосатых подтяжках. А потом ты увидел меня, и жизнь твоя переменилась.

А может, ты изменяешь мне? Зашел в тот кабак «Оазис», царство красного плюша, фикусов и облупившейся позолоты, где два месяца исторгал из разболтанных клавиш поцарапанного рояля «марш отчаянных кавалеристов», «тонет реченька в закате» и «куплеты шансонетки»? Ты говорил, что нравился тамошним девочкам, правда, хвастунишка?

Почему тебе так нравится обсуждать со мной своих баб? Неужели ты считаешь, что я подхожу для таких разговоров? Милый С., иногда мне кажется, что тебе нарочно хочется ранить меня. Как злой ребенок, который отрывает трепещущие крылышки пойманной бабочки. Хочет убедиться, что ей больно, что она действительно живая.

Мой безумный ревнивец...

Я не хочу слушать про них. Про эту Кейт, с ее надменным изгибом тонких бровей и капризной припухлостью губ. Она ушла от тебя к рябому мальчишке-спекулянту. Или эта Саша, с ее русой мальчишеской челкой и отточенными манерами гимназистки-непоседы. Шикарный лайнер увез ее прочь вместе с клюнувшим на ее уловки жирным покровителем, к тем берегам, к которым так рвешься ты сам, где пестрый узор пляжных зонтиков повторяет узор зонтиков коктейльных, и соль океанского бриза контрастирует со сладостью кокосового молока.

Не хочу знать про всех этих незнакомок, которые улыбаются тебе задаром, ничего не ожидая взамен – официанток, цветочниц, молочниц, продавщиц сосисок. Про тех, кого ты цепляешь жадным взглядом на улице, проходят ли они мимо, виляя обтянутыми шелком круглыми задницами, или проплывают в открытых автомобилях, томно глядя поверх меховых манто, или на миг проскальзывают в просвете неплотно задернутых штор, изгибаясь йогами перед зеркалами, цепляя застёжки лифчика или выставляя колено, по которому скользит фильдекос стаскиваемого чулка.

Не хочу я слушать про тех, кого ты и теперь не прочь затащить в постель. Эта Эллис, как ты умудрился наткнуться на нее на том мосту, среди ночи? Она стояла и смотрела вниз, на неподвижную воду, пряча руки в муфту, и ее кукольное, фарфорово-белое личико под кружевной вуалью походило на посмертную гипсовую маску. Ты, конечно же, спас ее, развлек вдохновенным поток бессмысленных шуток, отпоил медовым грогом в ближайшей забегаловке, проводил до ее крошечной квартирки, оклеенной фотографиями голливудских див, а теперь нянчишься с ней, будто всерьез намереваешься склеить по частям ее сердечко, разбитое этим режиссеришкой-проходимцем. Бедненькая Эллис, жертва собственной наивности, девушка-птичка с глазками на мокром месте... Ты просто не мог пройти мимо, ты же у меня настоящий рыцарь! Только вместо блистающих доспехов и шлема со страусиным плюмажем – поношенное пальто, помятая шляпа и траурный костюм, как дань пяти сезонам в похоронной конторе Фишера, ха-ха!

Лиз на мой вкус еще ничего, у нее хотя бы есть стиль... Эдакая юная жрица Гекаты, влюбленная в смерть, с ее подчеркнутыми веками, дрожащими тонкими пальцами и крашеными прядями. С ее изящным носиком, кончик которого всегда трогательно покрасневший, но вовсе не из-за промозглой погоды, а от злоупотребления кокаином. Правда, стихи ее – полная дрянь, тут я с тобой совершенно согласна, мой умница. Признайся, между вами что-то было? Она мила, даже очень. Знаешь, иногда я думаю о ней, и о нас... Впрочем, неважно. Дурацкие девчачьи фантазии, хи-хи.

Но как же меня раздражает эта Карла, доченька толстосума Дижона! Он произвел на тебя впечатление, да? Этим его сверкающим длинным «Кадиллаком» и циклопическим усадебным садом с шахматными фигурами, выстриженными из самшита и тиса. Поэтому ты взялся заниматься с его дочуркой? А может, все дело в ней? Ответь мне! Ты никогда не говоришь со мной про эту малышку. Почему? Разве между нами еще остались какие-то секреты? Какая она? Должно быть, хрупкая блондинка с голубыми глазищами и ангельским румянцем, сама невинность, ребенок... Ты никогда не переступишь через черту, но просто

не можешь не думать о том, от чего эта черта тебя отделяет. Ведь, правда? Уж я-то тебя знаю, я вижу тебя насквозь, паршивец!

Где ты, мой мальчик? Мне так скучно без тебя. Я совсем одна, мне холодно...

Не понимаю, что тебя тянет, вновь и вновь, на улицы этого Богом покинутого городишки. Валютный курс в нем пляшет и дрожит, как трехлинейка в руках новобранца перед свистком к атаке. Помнишь, ты мне рассказывал об этом? Хи-хи, вот видишь, я даже мысленно использую твои слова, говорю с тобой на твоём языке. Так мы близки...

Мне нравится, когда ты говоришь со мной о серьёзном. О политике, об инфляции. Ты ругаешься, у тебя делается такое злое лицо. Такое смешное, красное, как помидор, если бы ты мог видеть себя со стороны...

Но прости, я отвлеклась.

Инфляция, по твоим словам, а я в этом мало разбираюсь, ты же знаешь, она сводит на нет все твои усилия, деньги не стоят ничего, толстые пачки бесполезных бумажек, счет идет на миллиарды. И все твои старания впустую, песком сквозь пальцы просыпаются часы, проведенные в конторе «Кутхель и Ко», и бессонные ночи за печатной машинкой, и фортепианные гаммы в усадьбе Дижона, с этим белокурым ангелочком...

Да, конечно, я снова ревную! Я иногда бываю такая дура... Я знаю, что ты любишь меня. У нас все по-настоящему, не то, что было со всеми этими...

Ты устаешь, ты так много работаешь. Ты хочешь много-много денег. Чтобы уехать отсюда куда-то далеко, где шелестят пальмы и солнце роняет расплавленное золото на океанские волны. Если у тебя получится – что будет со мной? Неужели ты бросишь меня – здесь, одну... Нет, не верю. Ты возьмешь меня с собой! Ведь мы любим друг друга. Я вижу это по твоим глазам. Это часть моего дара, часть игры – уметь читать по глазам.

Даже когда мы здесь на мансарде, вдвоем. Ты продолжаешь работать. Ты садишься за массивный «ремингтон», клавиши грохочут пулеметом, лязгает железо, трещит каретка, шелестят тонкие папиросные листы...

А я сижу и смотрю, как ты работаешь, жду... Я привыкла ждать. Мне некуда спешить. Теперь, когда мы вместе, когда я – с тобой.

Ты пишешь свой роман. Четвертый по счету, да? А в конверте, что оставляет под твоими дверями квартирная хозяйка, опять стандартная форма отказа, в которую с ошибкой вписали твою труднопроизносимую иностранную фамилию. Однажды ты сказал – черта с два, если понадобится, я напишу их еще десяток, может десятый будет действительно хорошей вещью, я не сдамся... Мой глупый наивный писака!

Как я счастлива в те мгновения, когда ты хлопаешь ладонью по столу, переворачивая забитую окурками пепельницу. Чертыхаешься, трешь пальцами покрасневшие глаза. Трогательно встряхиваешься, как воробушек, выпавший из гнезда. Вырываешь из каретки листы, сминаешь их в ком, швыряешь в корзину...

И бежишь ко мне, через всю мансарду, порывисто и жадно. С этой твоей мрачной отрешенностью на бледном худощавом лице, что навсегда лишило меня покоя.

Мы вместе! Мы становимся одним целым. Мы сливаемся, играем. Я так люблю наши игры. Немного обжигающего огня, немного сиропной сладости... Я горю, я таю, исходя сочной влагой... Мне не стыдно говорить об этом. Ты меня не слышишь, а эти обшарпанные стены привыкли молчать. Они видали и не такое, поверь.

Иногда я увожу тебя, далеко-далеко, прочь от этих брусчатых переулков, прокуренных баров, от торчащих навстречу сизым тучам дымоходов и острых шпилей, прочь из этого скучного города и из этой скучной страны, за лесные дали и морские горизонты. Туда, где не бывал никто. Это наш мир, он ярче полотен Ван Гога, он причудливее видений Босха, изобретательнее композиций Дюрера и запутаннее виньеток Бердслея. Он бережит душу как

Григ и молодит сердце, как Моцарт, он завораживает размахом Бетховена и подкупает нюансами, как Брамс. В нем только я и ты. Мы играем...

А после, усталый, удовлетворенный, ты говоришь со мной, много и долго. Ты рассказываешь мне про свою жизнь. Про свою страну, чужую мне... Так странно, я чужая этому городу с его остроконечными шпилями и красной черепицей самодовольных домов. И ты чужой ему. Тебе чужда моя родина, напоенная солнцем, пахнущая мелиссой, анисом и мятой. Мне чужда твоя, талым снегом напоенная, пахнущая спиртом, дегтем и порохом. Я знаю о ней только из твоих рассказов и почему-то представляю ее именно такой...

Чужие друг другу, в чужом городе, и все-таки вместе.

Я слушаю твои рассказы. Про цепочки людей в сером, растянувшиеся по степи, метет поземка, валит дым, шрапнельные разрывы... ты тащишь на спине этого грузного, хрипло ругающегося человека, а кругом пули выбивают фонтанчики грязи, и ты думаешь только о том, как бы дотащить его до тех палаток на холме... А потом грохочет совсем близко, закладывает уши, и тащить становится легко-легко, ровно в половину легче, и он уже не ругается, нечем... И другие картинки – еще раньше – игра в «гигантские шаги» и кусты сирени, в которые ты зарываешься носом, выдыхая чудесный аромат, грибная охота и рыбалка и та взъерошенная речная выдра, что так напугала тебя, выскочив из осоки, отблески камина на корешках книг в отцовском кабинете, на погонах его кителя, накинутого на стул, и санки летят под гору, захватывает дух, а в пронзительно-голубом небе взрываются веселые шутихи... И зал с колоннами, нестройная шеренга усталых людей в заляпанных глиной сапогах попирающих блестящий паркет, в грязных шинелях, и с осуждением смотрят на это золоченые господа с высоких портретов. А рыжеусый полковник срывающимся голосом объявляет, заикаясь, сглатывая, никак не может выговорить, что полк ваш ра-ра-распушен... И давка, сутолока у трапов, и клепаные стальные левиафаны уходят прочь к горизонту, тоскливо трубя и выпускающая навстречу плачущему небу густые клубы черного дыма... Одиннадцать лет прошло, мой милый С., а как будто вчера, да? Сколько тебе тогда было, семнадцать? Давно пора забыть об этом. Теперь вокруг другой город, другая страна. Другая жизнь.

Не будем о грустном. Я хочу, чтобы ты улыбнулся. Даже если не слышишь меня, далеко, на другом конце этого поганого городишки. Улыбнись – сейчас!

Знаешь, иногда я фантазирую... Я испорченная, да? Хорошие девочки так не делают, пряча жар чресл под оборками ночных рубашек, под судорожно сцепленными поверх одежды пальцами. Но я не такая, тлеющее внутри пламя изводит меня до сладкого обморока, до вакхического безумия. Например, я представляю, как ты делишь меня со своим другом, этим недоделанным Ренуаром, этим Дега галантерейных кулис. Он разделяет нашу игру, нас уже трое... Или твоя подружка Лиз, мортидная нимфа, чтобы там ни было между вами, почему бы нам как-нибудь не попробовать это с ней, всем вместе, она вполне моего типа...

Интересно, ты говоришь с ними обо мне? Конечно, нет. Ты стыдишься меня, признайся? Держись меня взаперти, в тайне, как будто в нашей связи есть что-то мерзкое, непристойное, как будто мы должны таиться! В чем дело? Я знаю, тебе чужд эгоизм, но ты хочешь спрятать меня ото всех, зачем, глупышка? Это так ску-у-учно. Я сижу здесь одна, ожидая, пока ты шляешься там, с этими... Ну, прости... Вот опять, я рассуждаю как истеричка! Но мне же можно быть истеричкой, правда? В конце концов, я девочка.

Просто я безумно тебя ревную. Даже к этому твоему другу. Даже к твоему «ремингтону». Скажи, ты меня любишь? Ответь сейчас же, услышь меня, где бы ты ни был!

Ты говоришь, что у меня есть дар, у меня талант. Меня не заменишь ни китайским опиумом, ни магрибским гашишем. Я пылкая любовница, утоляющая твою жажду, и я же – твой проводник, уводящий за грань... В языке, который связал нас, который обоим нам чужой, нет подходящего слова. Ты называешь меня скользкой лгуньей, змеей, ворожеей и кукловодом миражей, сумеречной попутчицей и штурманом мира видений, и все это правда, но все это

не то. Помнишь, ты рассказывал мне про книжку того англичанина, его мальчишеские воспоминания о школе. Я нашепчу тебе на ушко: ты можешь ласково звать меня stalky, милый, ты можешь даже вставить все это в свой дурацкий роман. Ведь я уже не раз помогала тебе в твоей писанине, правда? Я знаю, ты благодарен, ты ценишь меня... Знаю, мой трепетный птенчик.

Всякий раз, когда ты валяешься передо мной на смятых простынях, в испарине, такой нелепый и беззащитный, как перевернувшийся кверху брюшком жук, меня охватывает смесь жалости и странной гордости. Что я могу делать с тобой... Зовешь меня своей госпожой и королевой, канючишь и клянчишь, моля о продлении удовольствия, бедняжка.

А потом, в помутнении, осыпаешь площадной бранью, проклинаешь, как пощечинами хлещешь словами, задыхаясь от ярости.

Иногда мне хочется убить тебя. Я представляю, как сделаю это... Мне кажется, это будет просто. Ты упадешь в судорогах на этот дощатый пол, фисташковые глаза твои потеряют свой цвет. А я буду смотреть на твою агонию и прислушиваться к себе – шевельнется ли что-нибудь внутри?

Убью тебя. А потом себя. Умрешь ты, умру я... Хи-хи-хи, вот видишь, я говорю сплошные глупости. Умереть – ха! Мой милый С., если бы это было так просто... Все-таки хорошо, что ты всего этого не слышишь.

Но что это? Скрип ступеней, шорохи, скрежет ключа в замочной скважине. Ты пришел, мой мальчик! Я так ждала тебя, и вот, наконец, ты здесь... Мы поиграем с тобой прямо сейчас, ведь правда?

Возможно, именно сегодня ночью я убью тебя. Отравлю тебя, остановлю твое глупое большое сердце. Может быть... Я еще не решила. Не будем думать о будущем, здесь и сейчас есть только я и только ты. Мы дополняем друг друга, как могильный гранит и высохшие розы.

Называй меня любым именем из тех, что ты придумал. Зови меня отравой и проклятьем, трупно-зеленой сукой и изумрудно-зеленым очарованием. Сравнивай мой цвет с душистыми травами и тошнотворной плесенью. Сравнивай мой вкус с затхлым могильным холодом и свежестью разрывающего штиль ветра. Все это я. Вся твоя, я с тобой вместе до конца.

Твоя девочка с горьким привкусом полыни. Твоя Зеленая Фея, призрачная ведьма туй-она, твоя личная абсентовая иллюзия. Исполнительница желаний, игривый джинн, запечатанный в бутылку L. Lemercier & Duval, тридцать четыре миллиона инфляционных марок за штуку. А может и дешевле – валютный курс в этом Богом забытом городишке дрожит и пляшет, как трехлинейка в руках у новобранца перед свистком к атаке.

Рустам Карапетьян «Сказочная работа»

Сказочник обмакнул перо в чернильницу, на миг зажмурился, с предвкушением улыбнулся и каллиграфическим почерком вывел: «По вечерам Королева кормила тигров, а Король вышивал крестиком. Или, кажется, наоборот. Впрочем, это и неважно. Потому что, когда тигры были сыты, а вышивка закончена, Король с Королевой выходили на балкон и, обнявшись, любовались на звезды. А звезды любовались на них.» Счастливая улыбка озарила лицо Сказочника.

– Дорогой, вынеси мусор, – крикнула из кухни жена.

Сказочник вздохнул, отложил перо и пошел выкидывать мусор. Через пару минут он вернулся, вымыл руки и снова сел за стол. Ненадолго задумался, а потом продолжил: " Дом, в котором жили Король с Королевой, все время менялся, как по волшебству. С утра он мог проснуться китайской пагодой. В ненастье он любил превращаться в мрачный готический замок. А на праздники обряжался в пышную дворцовую форму. Внутри дома тоже творилось волшебство. Например, когда Король с Королевой хотели покушать, на столах чудесным образом появлялись изысканные кушанья. А после царской трапезы мусор и грязная посуда исчезали сами собой, как по мановению волшебной палочки»

– Милый, ты не пропылесосишь ковер?

Сказочник почесал затылок, встал и пошел за пылесосом. Вскоре ковер был идеально чист, и Сказочник смог вернуться к своей истории. Пару минут он раскачивался на стуле и смотрел в потолок, ожидая вдохновения. Наконец, дождавшись, Сказочник с облегчением вздохнул и осторожно написал: «И была у Короля с Королевой замечательная дочка. Конечно же, в таком чудесном замке появиться она могла только чудесным образом. Как известно, обычных детей приносит аист. А королевскую дочку принесла белая лисица...»

– Пап!

– Что случилось?

– Пап, поиграй со мной!

– Ну, солнышко, папа сейчас немного работает. Вот он закончит и поиграем. Попозже...

– Поиграй со мной! Поиграй со мной!!! Поиграй со мной!!!!!!

Когда кукол напоили чаем, рассказали им все новости и уложили спать, Сказочник снова вернулся к столу. Он долго сидел, мычал, грыз перо, и, наконец, продолжил: «Король с королевой, хотели оставить лисицу в замке, но лисица махнула хвостом и растворилась прямо в воздухе. Но не навсегда. Когда девочка выходила играть в сад, белая лисица появлялась неведомо откуда, чтобы поиграть с ней. Кроме того, лиса надежно охраняла ее от всяких опасностей, подстерегающих маленьких девочек в саду. Но вот однажды...» м-м-м... вот однажды... м-м-м... однажды, значит...

– Ав!

– Что такое! – подскочил от неожиданности Сказочник.

– Ав!

– По-моему, Пират хочет гулять, – заметила заглянувшая в комнату жена.

– Я обязательно погуляю с ним. Только чуть позже.

– Ав!

– Дело твое, – согласилась жена, – но по-моему он терпит уже из последних сил. И может не вытерпеть. Прямо на ковер, который ты только что пропылесосил.

Сказочник нервно вскочил со стула, надел на пса поводок и вышел на улицу. Через полчаса они вернулись. Чуть уставшие и сильно промокшие. Потому что на улице внезапно хлынул ливень. А кто-то из них двоих в спешке не подумал о зонтике. И, кажется, это был не пес.

Сказочник разделся, швырнул мокрую одежду в корзину для белья. Обтерся полотенцем. Накинул халат. Налил горячего чая. Сел за стол и склонился над рукописью. На его лбу собрались глубокие морщины.

– Та-а-а-кс, значит, я остановился на собаке... «И была у них была волшебная собака.! ...» Стоп! Какая к черту собака? Лиса!!! Точка! И вот однажды!!!... и вот однажды... и вот однажды...

– Ты ни за что не угадаешь, кого я встретила вчера на рынке, – радостно сообщила жена. Сказочник резко отодвинулся от стола.

– Мамонта? Нет! Бабу Ягу? Тоже нет! Гуманоида с Альфа-Центавра? Не угадал?! Все! Три раза не угадал! Ты выиграла! Я проиграл! Ну дай же мне, наконец, поработать!!!!

– Поработать, – обиженно фыркнула жена, – можно подумать, это ты целый день возишься на кухне!

И она вышла из комнаты. Обиженно хлопнула дверь.

Сказочник смял листок и швырнул его в корзину для бумаг. Промазал. Поднял. Расправил. Перечитал. Разорвал на мелкие кусочки и подбросил вверх. Бумажные мотыльки закружились в воздухе, медленно опускаясь на пропылесосенный ковер. Сказочник присел к столу, пододвинул к себе чистый лист бумаги, и, задыхаясь от вдохновения, размашисто написал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.